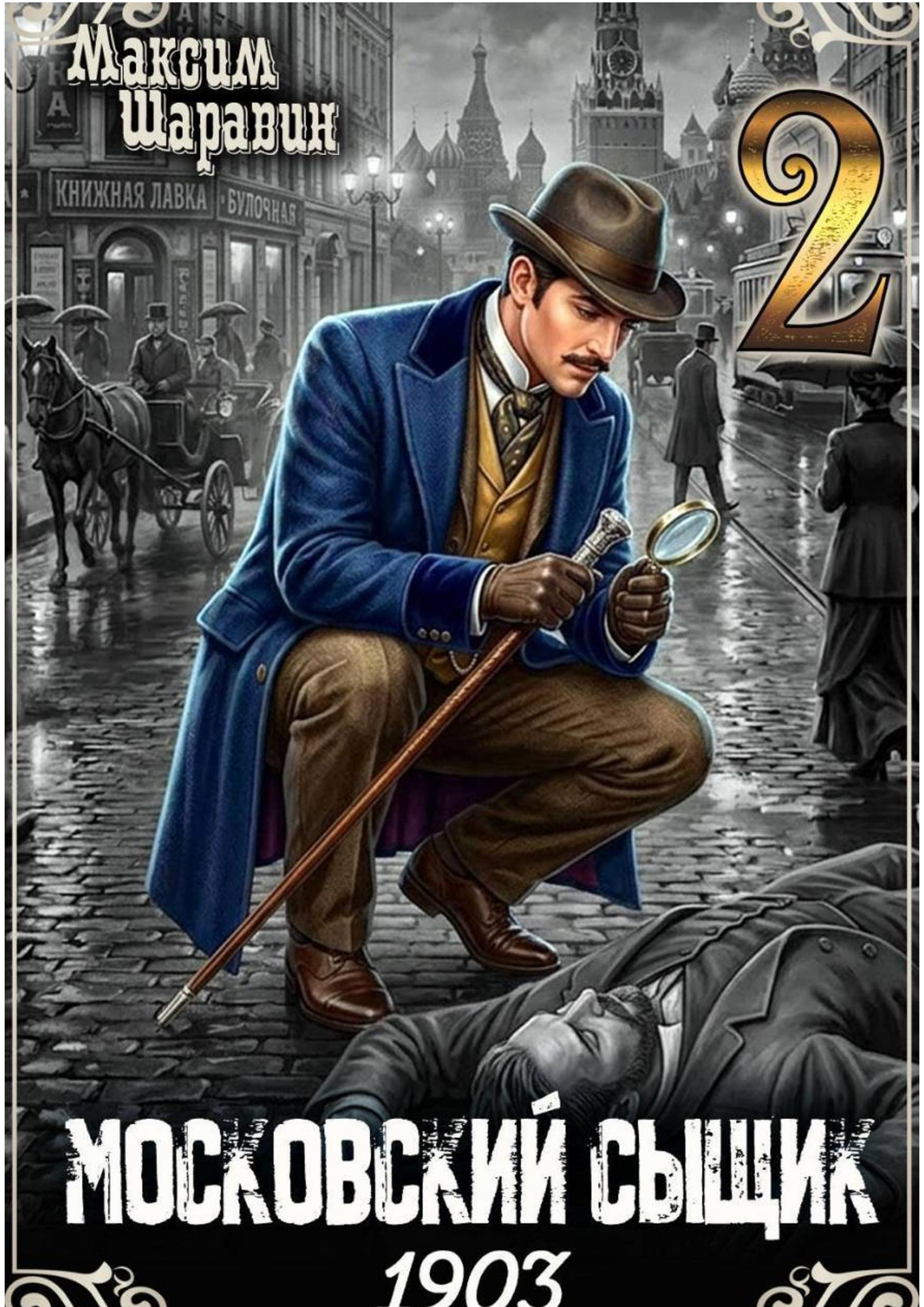

Максим Шаравин
2
КНИЖНАЯ ЛАВКА
БУЛОЧНАЯ
МОСКОВСКИЙ СЫЩИК
1903

Максим Шаравин

Московский сыщик. 1903. Книга 2.

«Автор»
2026

Шаравин М.

Московский сыщик. 1903. Книга 2. / М. Шаравин — «Автор», 2026

Василий Игнатьевич Белозёров, эксперт-криминалист, попал из будущего в дореволюционную Москву, в тело стажёра Московского сыскного отделения. В его руках опыт криминалистов XXI века. Там, где улики ищут по старинке, его знания, настоящее оружие против преступников. Вместе с судебным следователем Рябининым он раскрывает дела, которые кажутся безнадёжными. Каждая мелочь, в опытных руках Белозёрова становится ключом к разгадке. Но хранить свою тайну становится всё труднее. Чем точнее его выводы, чем чаще он распутывает странные дела, тем подозрительнее он выглядит в глазах коллег. Отправляетесь вместе с героем в старую Москву, где опыт будущего помогает раскрыть прошлое. Где ошибка может стоить герою не только карьеры, но и свободы.

© Шаравин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Московский сыщик. 1903. Книга 2.

Название: Московский сыщик. 1903. Книга 2.
Автор(-ы): Максим Шаравин

Глава 1

Василий Игнатьевич Белозёров медленно отошёл от стола и обвёл всех взглядом. В большой гостиной стояла тишина, нарушаемая лишь дыханием присутствующих и доносящимися из-за двери квартиры разговорами городовых.

Белозёров не знал, что сказать. Он пребывал в растерянности. Любой из присутствующих в комнате мог оказаться Мишкой «Мясником», но пугало его не только это. Василий не понимал, как объяснить этим людям, кто он такой, и кто такой «Мясник».

— У нас мало времени, Василий, — нарушив тишину, сказал Рябинин.

Белозёров посмотрел ему в глаза и принял решение:

— Я могу вам многое рассказать, но прежде я должен убедиться, что никто из вас не является «Мясником».

— И как ты намерен это выяснить? — спросил Пётр Степанович, поднявшись со стула и встав возле Рябинина и Воронова.

Следом за ним рядом встал Румянцев.

— Я должен осмотреть жертву. Мы проведём обычную процедуру. Всё как полагается. А потом проверим, где был каждый из вас в момент сегодняшнего убийства, — Белозёров внимательно следил за стоящими перед ним людьми. — Только после того, как я удостоверюсь, что вы — это вы, я буду готов вам всё рассказать. А уже дальше вы будете решать, что со мной делать.

В гостиной опять повисла тишина. Через несколько секунд за дверями послышался голос Горюнова.

Аристарх Платонович резко развернулся, схватил со стола письмо и спрятал его во внутренний карман.

— Делаем, как сказал Василий. Сегодня у нас будет интересный день. Начинаем работу, — начал командовать Рябинин. — Пётр Степанович, Василий, начинайте осмотр. Руками пока ничего не трогать. Фёдор Емельянович, идите к Горюнову, пусть обеспечит нам понятых. Иван Макарович, вы проследите, чтобы понятые тоже ничего руками не трогали.

Все пришли в движение. Румянцев прошёл мимо Белозёрова, выходя из гостиной в прихожую навстречу Горюнову, который уже открыл дверь в квартиру.

— Добрый день, Аркадий Ильич. Распорядитесь, чтобы нам понятых доставили, — попросил Румянцев.

— Их ещё нет? — удивился начальник полицейского участка. — Я же приказал околоточному. Ну он у меня попляшет!

Горюнов развернулся и вышел из квартиры.

Василий уже вошёл в другую комнату вместе с Лужиным. Света было мало, так как плотные тяжёлые шторы были закрыты.

Это была спальня. В центре стояла большая кровать, на которой лежало тело девушки. Она была полностью одета, тело было аккуратно уложено, руки вытянуты вдоль тела. На груди — небольшое пятно крови. Василий огляделся. Пара больших шкафов для одежды и туалетный столик с пуфом. Столик был заставлен косметическими и парфюмерными средствами. Рядом со столиком на стене висела большая театральная афиша с изображением убитой девушки.

«Клара Андреевна Светлова», — прочитал Белозёров. Потом присмотрелся: ниже имени было написано: «Участница благотворительных спектаклей под покровительством князя С. М. Волконского».

— Надо будет шторы открыть, но прежде сделать снимок общего вида. Я подготовлю лампу и штатив с камерой, пока понятых нет, — произнёс фотограф.

— Прежде надо снять жёлуди на столе в гостиной, — Белозёров внимательно посмотрел в глаза Лужину.

— Не смотри на меня так, Василий. Я дома был с женой. Она подтвердит. А потом — в лаборатории. Там меня тоже видели, — Пётр Степанович не стал отводить взгляд.

— Да, но вы единственный, кто меня расспрашивал. И вы единственный, кто предположил, что я стал другим, — Белозёров продолжал сверлить взглядом Лужина.

— Другие тоже это заметили, просто вслух не говорили. После осмотра поедем ко мне, сам с моей женой поговоришь. А сейчас пошли, жёлуди сфотографируем, — Пётр Степанович вышел из спальни назад в гостиную.

Работа закипела, когда привели понятых. Лужин делал снимки, судебный следователь Рябинин писал протокол осмотра, фиксируя абсолютно всё. Фёдор Емельянович Румянцев ушёл опрашивать свидетелей, так как Тихон Мохов сегодня был выходной, а других сыщиков Воронов и Румянцев решили не привлекать. Сам же Воронов следил за понятыми и говорил, куда вставать и на что смотреть.

После того как фотограф сделал общий снимок спальни, Белозёров подошёл к окну и раздвинул шторы. Солнечный свет полностью разогнал темноту, и Василий сразу достал из кармана лупу.

— Пётр Степанович, подойдите сюда, — позвал Василий и, сделав пару шагов к кровати, опустился на колени.

— Что-то нашёл? — Лужин тоже вооружился лупой и опустился рядом с Василием.

— Да, смотрите. Похоже, наш душегуб не увидел в темноте, что на пол упали несколько капель крови, и наступил на них, — Белозёров рассматривал частичный отпечаток подошвы ботинок. — Да, крови упало слишком мало. Скорее всего, когда он вытаскивал из тела орудие убийства. Видите, больше следов нет.

Лужин внимательно исследовал участок возле кровати и, убедившись, что больше отпечатков нет, встал.

— Давай сделаем снимок, — фотограф передвинул штатив с камерой и начал настраивать резкость. — Тень падает на отпечаток. Возьми лампу, поставь с правой стороны и отойди.

Василий установил лампу и отошёл в сторону. Через десять минут Лужин произнёс:

— Готово. Иван Макарович, пусть понятые подойдут и посмотрят на отпечаток.

— Проходим к окну, — приказал Воронов понятым. — Да не лезьте вы через центр спальни. Сбоку идите, — он направил понятых вдоль стены.

Понятые посмотрели на отпечаток, и Воронов снова вернул их к двери спальни.

Белозёров начал осматривать тело девушки.

— Василий, — тихо сказал Лужин, подойдя к нему. — Судя по размеру подошвы — это минимум сорок третий штих, а то и весь сорок четвёртый. Такие размеры в магазинах не купишь, только в мастерских заказывать. Тем более узор необычный — косой. И шаг гвоздей редкий. Эту обувь на заказ делали.

Василий оторвался от осмотра тела и повернулся к Лужину. Он сразу понял, о чём говорит Пётр Степанович: в этом времени для обозначения размера обуви использовали штихмассовую систему. Размер обозначали числом, которое отражало длину обувной колодки в этих штихах.

«Это большой размер, никак не меньше сорок четвёртого, а то и сорок пятого», — промелькнула мысль в голове Белозёрова, и он невольно посмотрел на ноги фотографа. Лужин носил максимум сорок первый, а сам Василий — сорок второй.

Лужин заметил взгляд Белозёрова:

— Ни Воронов, ни Румянцев с Рябининым такую большую обувь не носят, Василий.

— Это ничего пока не значит. След мог оставить и не убийца, — Белозёров повернулся к телу и продолжил осмотр.

«Что-то меня понесло. Вряд ли кто-то из них «Мясник», но проверить надо», — мысли бродили в голове Белозёрова, пока он осматривал тело.

Осмотр затянулся ещё на час. Василий педантично осматривал всё, постоянно используя лупу и лампу, чтобы выявить хоть какие-нибудь отпечатки пальцев. Но всё было чисто. Идеально чисто. Белозёров снова вернулся к отпечатку ботинок. Промелькнула мысль, что «Мясник» специально оставил этот след. Ещё раз осмотрев его под разными углами, Василий всё-таки решил, что это была случайность. В момент убийства в комнате было темно, хотя в этом доходном доме уже было проведено электричество, в спальне люстры не было. Душегуб нанёс удар стилетом. Потом вытащил его, с оружия упало несколько капель крови на пол. Пока он укладывал девушку на кровать, наступил на кровь, оставив отпечаток подошвы.

— Я закончил, — вставая с колен, сказал Василий. — Кроме этого отпечатка, больше ничего нет.

— Хорошо, — кивнул Рябинин, который уже давно наблюдал за Василием. — Понятые, проходим в гостиную. Подпишите протокол осмотра места происшествия.

Судебный следователь вышел за понятыми в гостиную. Лужин стал собирать свою аппаратуру, а Воронов посмотрел на Белозёрова:

— Я так понимаю, Василий, ты уже определил время смерти артистки?

— Да. «Мясник» не изменил себе. Убита с двух до четырёх утра. Оружие — стилет. Жёлуди на столе. Они тоже с дуба красного, — ответил Белозёров.

— Хорошо, тогда поедем сразу ко мне. Я в это время был дома. Жена и дети подтвердят. В сыскном отделении с семи утра находились Румянцев, Пётр Степанович и я. Нас все видели, — Воронов стоял на выходе из спальни, наблюдая за реакцией Белозёрова.

Василий молчал. Реакция этих людей на письмо Мишки «Мясника» его удивляла. Он всегда считал, что в такой ситуации его должны были скрутить и как минимум запереть в камере. Но эти люди, наоборот, пытались доказать свою непричастность к убийствам.

Белозёров посмотрел на Лужина, который спокойно упаковывал лампу в свой саквояж, потом на Воронова, который продолжал смотреть на него.

«Может, просто для них работа важнее, чем переселение душ? Я помог им раскрыть несколько преступлений, используя свой ум и навыки. Может, они решили… Ладно, сначала проверю их непричастность, раз они идут навстречу. А потом поговорим», — Белозёров подхватил штатив и камеру, помогая Петру Степановичу вынести всё из спальни.

Воронов посторонился, пропуская их в гостиную.

— Можем забирать тело? — спросил начальник полицейского участка.

Возле него уже стояли двое городовых с носилками.

— Забирайте, Аркадий Ильич, — откликнулся судебный следователь, который уже выпроводил понятых и убрал протокол осмотра в свою папку. — Попросите судебного врача как можно скорее сделать заключение. Пусть отправит его с городовым в сыскное отделение. Я буду там либо заеду туда позже. Заключение может оставить у дежурного, если Фёдора Емельяновича или Ивана Макаровича не будет на месте.

— Как прикажете, Аркадий Платонович. Всё сделаем, — Горюнов кивнул городовым, и они пошли в спальню забирать тело артистки.

Через несколько минут в квартиру вернулся Румянцев с пачкой протоколов допроса. Пропустив городовых с носилками и Горюнова, он прикрыл за ними дверь в квартиру.

— Как обычно, никто ничего не видел и не слышал, — вздохнул Фёдор Емельянович, передавая протоколы судебному следователю.

— А швейцар? В этом доме точно должен быть швейцар, — спросил Белозёров.

— Швейцар есть, я нашёл его в своей комнатке на первом этаже. Он сегодня всю ночь… — Румянцев усмехнулся, — да и сейчас тоже мучается с животом. Из комнаты не выходит. Так что он ничего не видел.

— А сменщик? — уточнил Василий.

— Сменщик три дня назад уехал из города в свою деревню. Управляющий сказал, что отпустил его на похороны, то ли жены, то ли матери, я не уточнял, — ответил Румянцев.

Белозёров задумался: «Как всё сложилось. Сменщик уезжает, а второй швейцар травится и мучается с животом. Прямо как всё вовремя».

— Что-то не так? — Рябинин посмотрел на Василия.

— Пока не знаю, — Белозёров посмотрел на судебного следователя.

— Тогда поехали ко мне домой, потом к Румянцеву, Воронову и Лужину, — Аристарх Платонович встал со стула.

— Почему вы так спокойно реагируете на письмо? — Василий обвёл всех взглядом. — И пытаетесь доказать свою непричастность, вместо того чтобы скрутить меня и отправить в камеру, ну или в дом для умалишённых?

В гостиной стало тихо. Василий смотрел на Рябинина, который переглядывался с остальными.

— Василий… — судебный следователь вздохнул и достал из внутреннего кармана письмо «Мясника», покрутил его в руках, ещё раз пробежал по нему глазами и протянул Белозёрову. — Если говорить чисто протокольным языком, то арестовывать тебя не за что. Как и отправлять в лечебницу для душевнобольных. На людей ты не кидаешься, ведёшь себя смирно и раскрываешь дела, которые мы не смогли раскрыть. В этом письме душегуб обращается к тебе. Да, тут много странного, и мы надеемся, что ты нас просветишь, что убийца имел в виду про будущее, высшие силы и экспертизы.

— Мы все верим в Бога, Василий, — заговорил Воронов. — И если он решил прислать тебя, поселив в тело этого мальчика, то кто мы такие, чтобы мешать ему? А что касается доказательств нашей непричастности, так душегуб сам написал, что он рядом и следит. Мы должны верить друг другу, поэтому мы доказываем больше самим себе, чем тебе.

— Знаешь, Василий, а я верю в переселение душ и в чудеса, — сказал негромко Пётр Степанович. — А ещё я верю в отпечатки, в следы, во время смерти и в то, что орудие убийства — стилет. И если убийца боится тебя, а не нас, то мы должны сделать всё, чтобы ты нам поверил. Иначе он усеет трупами всю Москву. Я же вижу, как ты работаешь. Но мне, как и всем, интересно, что ты можешь нам рассказать.

Все посмотрели на Румянцева, ожидая и его высказываний. Фёдор Емельянович внимательно посмотрел на Василия:

— То, что ты… Кхм… Василий Белозёров был сильно болен и ждал своей смерти, я уверен на все сто процентов, так как знал его родителей. И если… — Румянцев замолчал. Потом добавил: — Не место здесь для разговоров.

— Тогда поехали. А поговорим, когда проверим алиби всех, — сказал Рябинин. — Время не стоит на месте. А мы всё ещё здесь.

Пролётка возила их от дома к дому, и везде они разговаривали со своими жёнами и детьми, подтверждая алиби каждого из них. Спустя три часа они вышли из квартиры фотографа и встали возле подъезда.

— Ну что, Василий, — заговорил Рябинин. — Пётр Степанович у нас тоже вне подозрений.

— Значит, осталось мне рассказать про себя, — вздохнув, Белозёров посмотрел на стоящую возле них пролётку. — Предлагаю выехать в какой-нибудь парк, где мы сможем спокойно поговорить. Скорее всего, у вас возникнет масса вопросов, на которые мне придётся отвечать.

— Хорошо, но предлагаю поехать не в парк, — Воронов подошёл к извозчику. — Любезный, можешь нас отвезти в Замоскворечье, в окрестности Симонова монастыря? Там подождёшь нас пару часов и привезёшь назад.

— Как прикажете, ваше высокоблагородие, — чуть замешкавшись, ответил извозчик.

— Не переживай, с оплатой не обижу, — добавил Иван Макарович, увидев, что извозчик замешкался.

— Конечно, ваше высокоблагородие, отвезу и подожду столько, сколько надо, — сразу повеселел извозчик.

— А кто у тебя сейчас в доме? — спросил Рябинин.

— Сторож со своей женой. Они за домом следят да по хозяйству всё делают. Посидим в беседке, поговорим. Чайку попьём. А может, и пообедать успеем, — ответил Воронов.

— Тогда поехали, — согласился Аристарх Платонович.

Добирались они до загородного дома начальника сыскного отделения чуть больше сорока минут. Пролётка подъехала к небольшому двухэтажному дому из красного кирпича. Участок был обнесён невысокой оградой, возле ворот стояла сторожка, из которой сразу выскочил седоватый мужичок и кинулся открывать ворота:

— Ваше высокоблагородие, Иван Макарович, сейчас открою ворота.

— Не торопись, Степан, — улыбнулся Воронов. — Скажи Матрёне, пусть самовар принесёт в беседку, которая на берегу стоит. А потом обед готовит. И нашему извозчику помоги: лошадь покорми, да и его самого тоже.

— Не стоит, ваше высокоблагородие, — пробурчал извозчик.

— Тебе здесь нас долго ждать, так что со Степаном побудешь, — распорядился Воронов, и пролётка заехала на территорию дома.

Белозёров осмотрелся. С южной стороны дома, ближе к воде, стояла большая беседка с большим обеденным столом и стульями. Чуть дальше — спуск к воде и маленькая пристань с лодкой. С другой стороны дома — сарай для дров и большой сад с фруктовыми деревьями. Яблоки и груши ещё не поспели, но уже набирали сочность и сладость. Внутри сада тоже была беседка, но маленькая, приспособленная для отдыха.

— В дом вас не приглашаю, — начал говорить Иван Макарович, когда все пошли к беседке. — Погода хорошая, а лето скоро закончится. В доме ещё успеем насидеться.

Рассевшись за столом, никто не спешил начинать разговор. Ждали, когда Матрёна принесёт самовар.

— Иван Макарович, добрый день, — дородная женщина поставила на стол огромный самовар. — Я сейчас растоплю его и пойду обедом заниматься.

— Я сам растоплю, — Воронов встал и подошёл к самовару. — Неси чашки, сахар и чайник для заварки. Заварку не забудь.

— Всё принесу, Иван Макарович, — Матрёна развернулась и поспешила назад в дом.

Воронов растопил самовар, дождался, пока Матрёна принесёт поднос с чашками, чайничком и заваркой и, сев на стул, посмотрел на Белозёрова:

— Пока греется вода, можем начать наш разговор, Василий.

Василий Игнатьевич Белозёров уже думал, с чего начинать, но сейчас опять впал в ступор. Мысли носились в голове, бросаясь из крайности в крайность. Он по очереди посмотрел на каждого. Взгляды были устремлены на него — в ожидании рассказа.

Белозёров на мгновение прикрыл глаза, вздохнул, собрался с мыслями и, посмотрев на реку, заговорил:

— Меня действительно зовут Василий Игнатьевич Белозёров…

Глава 2

В беседке стояла тишина. Белозёров закончил свой рассказ и смотрел на реку. Размеренное течение воды успокаивало.

— Я верил в то, что переселение душ существует, — тихо произнёс Пётр Степанович, нарушая тишину. — Но не представлял, что души могут перемещаться в разное время.

— Никто не представлял, Пётр Степанович, — произнёс Фёдор Емельянович. — Больше беспокоит тот факт, что душа убийцы тоже здесь, а не горит в аду.

— Ты прав, Фёдор, — Аристарх Платонович посмотрел на Румянцева. — И это пугает.

Воронов посмотрел на Белозёрова:

— Значит, твою семью убили по приказу этого «Мясника»?

— Да, Иван Макарович. А потом и меня. Моя душа перенеслась в тело Василия, когда он умер от сердечного приступа. Не знаю как, но теперь тело полностью здорово, что подтвердил Давид Моисеевич, врач из частной лечебницы, в которую меня сводил Аристарх Платонович. И теперь я знаю, зачем я здесь. Мне надо найти и остановить маньяка в этом времени, — ответил Белозёров.

— Маньяка? — удивлённо спросил судебный следователь.

— Да, это такое слово, которым в наше время называли серийных душегубов, — пояснил Василий.

— А можешь ещё рассказать, что там, в будущем? — поинтересовался Пётр Степанович.

— Могу, но не знаю, можно ли, — задумался Белозёров. — Лучше не стоит. Я не знаю, может, из-за моих слов там всё изменится. А может, и нет. Никто не знает.

— Тогда молчи, — согласился Лужин, хотя его, да и не только его, распирало любопытство.

Они ещё немного посидели в тишине, когда пришла Матрёна:

— Иван Макарович, у меня всё готово. Подавать обед?

— Подавай, — кивнул Воронов.

Обедали молча, изредка перебрасываясь словами. После обеда, когда Матрёна убрала со стола, а Воронов снова налил всем чай, Рябинин произнёс:

— Значит, в твоём времени, Василий, душегуб убивал исключительно девушек. А здесь — всех подряд. Может, это и не он вовсе?

— Он, Аристарх Платонович. Я уверен, — ответил Белозёров.

— Тогда давайте думать, как ловить его будем, — продолжил судебный следователь. — Зацепок у нас практически нет.

Рябинин замолчал, посмотрел на всех и продолжил:

— Рост примерно метр семьдесят — метр восемьдесят, носит большую обувь, сорок третий или сорок четвёртый штих. Делает её на заказ, так как подошва имеет необычный косой узор и редкий шаг гвоздей. Для убийства использует тонкий клинок — стилет. На месте преступления оставляет жёлуди дуба красного, редкого в наших местах.

Судебный следователь посмотрел на Белозёрова:

— Василий, нашёл взаимосвязь между Костиным и Орловым: оба были должниками по экзаменам и могли обратиться к одному и тому же репетитору. Репетитор может оказаться нашим душегубом или может дать нам ценную информацию.

— Ещё жёлуди, — заговорил Василий. — Никанор Иванович, друг Петра Степановича, пообещал сильно сократить список усадеб, где могут быть такие жёлуди.

— Значит, делаем так, — Аристарх посмотрел на Воронова. — Иван, займитесь мастерскими по пошиву обуви. Пусть Тихон Мохов пошерстит по ним. Но аккуратно, чтобы не вспуг-

нуть нашего душегуба. Я займусь репетитором. Есть у меня знакомый, который может помочь. А Василий Игнатьевич с Петром Степановичем займутся желудями.

— Надо повторно допросить швейцара и найти сменщика. Меня мучает вопрос, как так всё хорошо сложилось, что их не было возле двери в ночь убийства. Один уехал на похороны, а второй отравился и мучается животом, — произнёс Белозёров.

— Думаешь, здесь есть какая-то связь? — задумчивым голосом спросил Воронов.

— Вполне, — ответил Василий. — Надо выяснить, кто умер у сменщика и причину смерти, а второго допросить на предмет того, что ел или пил. И вообще, один он это делал или с кем-то?

— Я займусь этим сам, — сказал Румянцев. — За два дня всё выясню, а может, и быстрее.

— Хорошо, Фёдор Емельянович. Тогда на тебе швейцары, а Тихону я поручу заняться мастерскими, — согласился начальник сыскного отделения.

— Ну что? Допиваем чай и поехали работать? — спросил Рябинин.

Все согласно закивали.

Пролётка несла их по московским мостовым, постепенно приближая к сыскному отделению. Сначала решили поехать туда: Петру Степановичу надо было проявить снимки с отпечатком подошвы, чтобы выдать их Тихону Мохову, а Рябинину — забрать заключение судебного врача.

Василий смотрел на стоящие вдоль улиц доходные дома, на прохожих, на проезжающие дрожки, пролётки и кареты. С каждой минутой он всё больше ловил себя на том, что ищет знакомые ему предметы своего времени: светящиеся вывески над кафе, автобусные остановки, хотя бы афиши на столбах, которыми была заклеена вся Москва. Но видел лишь латунные таблички, экипажи и мальчишек, которые продавали газеты. Не было той суеты мегаполиса, к которой он привык. Здесь люди шли не спеша, никуда не торопясь, улыбались, смеялись и просто радовались жизни. На Белозёрова вдруг накатила тоска. Он понимал, что здесь он чужой, а станет ли когда-нибудь своим, было неясно.

Василий краем глаза посмотрел на сидящих напротив него Воронова и Лужина:

«Я мог бы рассказать им, что будет дальше. Как будет меняться Россия и мир. Про войны, про науку. Но зачем им эти знания? Они живут здесь и сейчас».

Извозчик подъехал к крыльцу и остановил лошадь. Пролётка замерла, и к ней сразу поспешил городовой:

— Ваше высокоблагородие, хорошо, что вы приехали и сразу все вместе. Я уже почти час вас разыскиваю.

— Да что опять случилось-то?! — чуть повысив голос, спросил Воронов.

— Труп у нас… — городовой опустил глаза и добавил: — Странный.

Все переглянулись, и судебный следователь, посмотрев на городового, уточнил:

— А что в нём странного?

— Дворник, который городовых позвал, говорит: он убегал от преследовавшего его мужчины. Потом упал и умер. Преследователь его быстро обыскал и сбежал, — ответил городовой.

— Ладно, надо ехать в любом случае, — Рябинин посмотрел на Воронова.

— Фёдор Емельянович, оставайтесь здесь. Займитесь швейцарами и найдите Мохова. Пусть никуда не уходит. Я Петра Степановича сразу отпущу, как только снимки сделает, — распорядился Иван Макарович. — Сыщик теперь у нас есть, Василий с сегодняшнего дня — полицейский надзиратель, так что протоколы допроса сам сможет заполнять. Всё по закону. Да и я помогу.

Румянцев вышел из пролётки, и его место занял городовой.

— Ну командуй извозчику, чего молчишь-то? — поторопил городового Рябинин.

Городовой назвал адрес, и пролётка покатила к новому месту происшествия.

Извозчик остановился возле оцепления. Городовые периодически отгоняли зевак, не давая им приблизиться к телу.

— Ну наконец-то, — к пролётке подошёл Горюнов. — Уже больше часа, как за вами городовых отправил.

— Не кричи, Аркадий Ильич, — прервал его судебный следователь. — Сейчас начнём. Давай сюда понятых и свидетелей.

— Из свидетелей только дворник Емельян. Он всё видел и городовых позвал, — ответил начальник полицейского участка. — А понятые вон стоят. Так что у меня всё готово.

— Вот и славно. Пётр Степанович, Василий, начинайте. Иван Макарович, допросите тогда дворника, сделайте милость, — Рябинин соскочил на мостовую и помог Лужину вытащить штатив с камерой.

Василий взял ящик с пластинами для камеры и саквояж, прошёл сквозь оцепление городовых и остановился недалеко от тела.

Пока фотограф настраивал камеру, Белозёров осмотрел мостовую и тротуар, пытаясь найти отпечатки подошв. Но на брусчатке следов не осталось. Единственный более-менее видимый след и тот был смазан.

— Ну что там, Василий, есть что-нибудь интересное? — окликнул его Лужин.

— Нет, Пётр Степанович. Делайте общий снимок. Потом обыщу тело, — ответил Белозёров и отошёл в сторону, чтобы не загораживать вид.

— Готово. Можешь начинать, — сказал фотограф.

— Аристарх Платонович, пусть понятые подойдут ближе, — попросил Василий и опустился на одно колено возле тела.

Дождавшись понятых, он быстро осмотрел тело. Видимых ран не было, кроме ссадины на лбу — от падения на брусчатку. Лицо и шея имели синюшный цвет — явный признак того, что человек задохнулся. Белозёров осмотрел шею, нос, рот: следов того, что жертву душили, не было.

«Странно… Выходит, он бежал и просто задохнулся. А упал уже мёртвым — или умер после того, как потерял сознание от удара головой о брусчатку», — задумавшись, Василий смотрел на труп. Потом тряхнул головой и стал обыскивать карманы.

— Понятые, прошу обратить внимание, — Василий двумя пальцами достал из внутреннего кармана сюртука жертвы сложенный лист бумаги. Аккуратно развернув его, он прочитал:

— Справка об освобождении. Аким Трофимович Лебезя, отбывал срок один год за кражу со взломом. Место заключения — Таганская тюрьма, — посмотрел на понятых и добавил: — Находится на улице Малые Каменщики, недалеко от Новоспасского монастыря. Освобождён вчера.

Белозёров протянул справку подошедшему Рябинину и продолжил обыскивать тело.

— Всё, больше ничего нет. Либо у него что-то забрал тот, кто за ним гнался.

Рябинин заполнил протокол и дал подписать понятым.

— Все свободны, — сказал Рябинин и повернулся к подошедшему Воронову.

— Есть что интересное? — спросил судебный следователь, убирая протокол осмотра в папку.

— Да, дворник говорит, что жертва убегала от преследователя. Потом он споткнулся и упал, — Иван Макарович протянул ему протокол допроса дворника Емельяна. — Преследователь — мужчина, рост примерно метр шестьдесят — метр семьдесят. Крепкое телосложение. Одет в хорошую одежду. Лица не разглядел. Ещё дворник говорит, что в руках преследователя был револьвер системы Нагана.

— Откуда такая точность? — удивился Белозёров.

— Дворник служил в армии, потом его оттуда выгнали. Говорит, подрался с офицером. Но в оружии разбирается. Тем более это штатное оружие в нашей армии, — ответил Воронов. — Но выстрелов он не слышал.

— А его и не убили. Он задохнулся. Сам. А вот причину, почему он задохнулся, узнаем после вскрытия, — сказал Василий. — Аристарх Платонович, может, доедем до полицейского участка? Очень хочу на вскрытии поприсутствовать. Послушать, что скажет судебный врач Семён Лукич.

— Хорошо, поедем вместе, — Рябинин достал из кармашка сюртука часы. — К репетитору уже не поеду. Он после обеда уезжает за город, в свой дом. А ехать туда нет желания.

Аристарх посмотрел на начальника сыскного отделения:

— Иван Макарович, забирай тогда Лужина, пусть он снимки проявляет. И отправляй Мохова по обувным мастерским.

— Хорошо, Аристарх Платонович. По этому делу помощь какая нужна? — Воронов кивнул на тело.

— Пока никакой. Да и Василий у меня под рукой. После вскрытия подумаем. Забери у дежурного заключение судебного врача по делу артистки, если его уже доставили. Мы после вскрытия этого тела заедем к тебе. Дождись нас, — попросил Рябинин.

— Дождусь, Аристарх Платонович, — ответил Воронов, потом помог Лужину забрать оборудование, и пролётка повезла их в сыскное отделение.

К судебному следователю и Василию подошёл начальник полицейского участка.

— Можно забирать? — Горюнов посмотрел на тело.

— Да, Аркадий Ильич, — Рябинин посмотрел на Горюнова. — Мы поехали в полицейский участок. Поторопите городовых. Не хочу долго сидеть в прозекторской. У меня ещё много дел.

Горюнов крикнул городовым, стоящим с носилками возле телеги.

Аристарх Платонович глянул, как городовые грузят тело, и посмотрел на Белозёрова:

— Поехали.

Василий махнул рукой, привлекая внимание проезжавшего мимо извозчика. Пролётка развернулась и остановилась.

— Полицейский участок, — сказал Белозёров, как только они с Рябининым устроились на сиденье.

Пролётка размеренно стучала колёсами по брусчатке. Василий, задумавшись, смотрел на спину извозчика.

— О чём задумался? — поинтересовался Рябинин.

— Пытаюсь вспомнить, с кем я общался в последнее время и кто мог за мной следить, — ответил Белозёров.

— И? — подтолкнул его к продолжению судебный следователь.

— Вы, Воронов, Румянцев, Лужин, Горюнов, Мохов — это из тех, с кем постоянно общаюсь. Далее — всё сыскное отделение, множество городовых, ещё околоточный надзиратель Рябов, судебный врач Тулин, Марфа — прачка, где я раньше жил, врач Давид Моисеевич, ювелир Арон Абрамович, Моня, друг Лужина Никанор Иванович.

— А ещё ректор Филимонов и его секретарь Варвара, — добавил Аристарх Платонович.

— Да, они тоже. Ещё окружной судья и прокурор, — сказал Василий. — Но мне кажется, что всё это не они. Кого-то я упускаю из виду. Тем более основную часть можно выкинуть из списка.

— Да. Рост убийцы — метр семьдесят пять — метр восемьдесят. И это мужчина, — согласился Рябинин. — И носит большую обувь. А зачем ты нас проверял? Никто, кроме разве что Румянцева, не подходит даже по росту.

Василий усмехнулся:

— Запаниковал.

Пролётка остановилась возле полицейского участка. Рассчитавшись с извозчиком, они вошли в здание и направились в прозекторскую.

В прозекторской было тихо. Судебный врач Семён Лукич Тулин сидел за своим столом и ел пирожки, запивая чаем.

— Добрый день, — увидев Рябинина и Белозёрова, спускавшихся в прозекторскую, поздоровался врач. — С чем пожаловали?

— Добрый день, Семён Лукич, — поздоровался Василий.

— Добрый день, — приветственно кивнул Аристарх Платонович. — Семён Лукич, сейчас новое тело привезут, будем присутствовать на вскрытии, но пока хотел спросить про артистку.

— Вы не получили моё заключение? — Тулин удивлённо посмотрел на судебного следователя. — Я по распоряжению Аркадия Ильича отправил его с городовым в сыскное отделение. Вам должны были его передать.

— Семён Лукич, я там ещё не был. Опишите в двух словах. Интересует орудие убийства и рост душегуба, — ответил Рябинин.

Судебный врач открыл папку и достал копию заключения:

— Орудие убийства — стилет, в этом я уже уверен. Рост — метр семьдесят пять — метр восемьдесят. И ещё, судя по удару, её убил тот же человек, что до этого убил студента Костина и студента Орлова. Я специально проверил. Это один и тот же человек, Аристарх Платонович. Вот ещё что могу сказать точно: удар очень профессиональный. Он всегда бьёт в одно и то же место и не промахивается. Так скажем, удар отточен очень длительными тренировками. У нас появился серийный душегуб, — судебный врач посмотрел на Рябинина. — А новый труп из этой же серии?

— К счастью, нет, но там очень интересная смерть, — ответил судебный следователь.

— И что же может быть интересного в смерти? — заинтересованно спросил Семён Лукич.

— Жертва убегала от преследователя, потом споткнулась и упала. Смерть наступила от удушья, но жертву не душили, — начал говорить Василий. — Очень похоже, что жертва чем-то подавилась и задохнулась.

В этот момент послышались шаги. Городовые на носилках спускали тело в прозекторскую.

— А вот и наш пациент, — Семён Лукич встал и начал надевать перчатки. — Сейчас всё выясним.

Городовые переложили тело с носилок на прозекторский стол и ушли.

— Василий, помоги разрезать одежду, — попросил судебный врач.

Через пару минут Василий и Семён Лукич полностью раздели тело и приступили к осмотру.

— Так, так, интересно, — судебный врач ощупывал горло жертвы. Потом разжал рот и заглянул в него. — Там что-то есть, Аристарх Платонович. Но без вскрытия я это не достану. Похоже, наш пациент во время бега пытался что-то проглотить, но предмет, скорее всего, оказался достаточно крупным и, к тому же, пошёл не в то горло. Предварительно могу сказать, что смерть наступила от механической асфиксии из-за инородного тела.

— Так, Семён Лукич, подождите со вскрытием. Я схожу к Горюнову, нам нужны понятые. Сразу оформим протокол изъятия и фиксации улики, — Рябинин развернулся и стал быстро подниматься по лестнице.

— Пойдёмте, Василий, угощу вас чаем. Он ещё горячий. Вы же не побрезгуете попить со мной чай в этом месте? — судебный врач посмотрел на Василия.

— Не побрезгую, Семён Лукич. Тем более если у вас чай вкусный, — ответил Белозёров.

Они прошли к рабочему столу Тулина. Судебный врач взял чистую чашку и налил Василию уже готовый чай из небольшого чайника.

— У меня тут нет самовара, приходится кипяток брать в общей комнате и сразу заваривать в этом чайнике, — начал оправдываться судебный врач. — Так что я заварку по своему вкусу насыпаю. И у меня сахара нет. Привык пить без сахара.

— Прекрасный вкус, — сделав глоток, сказал Василий. — Я тоже пью без сахара.

Через десять минут в прозекторскую пришли Рябинин и Горюнов, следом за ними городовые привели двух понятых.

Аристарх Платонович объяснил понятым, что сейчас будет происходить, и показал, куда им следует встать.

— Начинайте, Семён Лукич, только давайте сначала достанем улику, я всё зафиксирую и отпущу понятых. А потом вы продолжите свою работу и сделаете заключение, — попросил судебный следователь.

— Понимаю, понимаю, — усмехнулся судебный врач, подходя к прозекторскому столу вместе с Василием. — Сделаю, как вы просите, Аристарх Платонович.

Он взял скальпель и сделал аккуратный разрез на горле. Расширил его и пинцетом достал небольшой ключ. Опустил в банку с раствором, промыл и показал Рябинину и понятым.

Глава 3

Судебный следователь Рябинин внимательно посмотрел на ключ:

— Понятые, обратите внимание: на ключе, на стержне, набит номер, предположительно это номер банковской ячейки. Далее, на головке ключа стоит клеймо банка «Братьев Головановых».

Аристарх Платонович убедился, что понятые всё увидели, потом быстро заполнил протокол изъятия, дал подписать и выпроводил их из прозекторской.

— Это выходит, наша жертва померла, когда пыталась ключик съесть? — спросил Горюнов у судебного врача.

— Всё верно, Аркадий Ильич. Я сейчас полностью вскрытие сделаю и напишу заключение, — ответил Тулин.

— Семён Лукич, отправьте заключение с городовым в сыскное отделение, я с Василием туда поехал, — распорядился Рябинин.

— Через тридцать минут отправлю, — сказал судебный врач, уже начиная вскрывать тело.

Пролётка катила по вечерней Москве к сыскному отделению.

— Сейчас поговорим с Вороновым и Румянцевым, и по домам поедем. День сегодня слишком уж перенасыщен, — произнёс Рябинин, откидываясь на спинку сиденья пролётки.

— Мы сможем выяснить, что лежит в банковской ячейке? — спросил Белозёров.

— Конечно. Завтра с утра постановление сделаю у окружного судьи. Потом съездим. Сейчас с Вороновым и Румянцевым решим, — ответил судебный следователь.

Через пятнадцать минут пролётка остановилась возле крыльца отделения сыска.

Поднявшись к кабинету Воронова, Белозёров и Рябинин вошли без стука.

— Аристарх, ладно ты вламываешься в мой кабинет без стука, но зачем молодых приучать? — притворно возмутился Иван Макарович.

— Василий такой же молодой, как и мы с тобой, — усмехнулся Рябинин. — Давайте к делу, быстро всё обсудим и по домам.

— Хорошо, тогда мы начнём, — сказал Воронов, сразу став серьёзным. — Во-первых, заключение судебного врача по артистке, — начальник сыскного отделения протянул Аристарху Платоновичу документ. — Во-вторых, Лужин проявил все снимки, и Мохов уже начал заниматься обувными мастерскими, но процесс будет долгим. Их слишком много. Либо надо привлекать наших филёров.

— Нет, филёров привлекать пока нельзя, — отрицательно покачал головой Белозёров. — Я думаю, «Мясник» не знает про отпечаток своего ботинка. Привлечём филёров — и слухи о том, что мы проверяем обувные мастерские, могут до него дойти.

— Я согласен с Василием, — поддержал его Рябинин. — Пока рано. Что ещё?

— Василий оказался прав, со швейцарами что-то не сходится, — заговорил Румянцев. — Я съездил снова в доходный дом купца Смирнова и повторно провёл допрос. Оказывается, наш швейцар накануне ел пирог, который ему прислал сменщик. С его слов, к нему вечером подошла молодая девушка и передала пирог. Мол, это благодарность от сменщика за то, что он его подменяет, пока тот в отъезде из-за похорон. Он его поел уже перед самой ночной сменой. Примерно через полчаса его скрутило с животом.

— Очень похоже на слабительное, — сказал Рябинин.

— Вот и я о том же. Пирожок не простой был, — согласился Румянцев. — Но девчонку эту он описать не смог. «Красивая», — говорит, и всё.

— Ясно. Надо второго швейцара брать и допрашивать. Кто он такой, узнал? — Рябинин посмотрел на Фёдора Емельяновича.

— Да, вот протокол повторного допроса, — Румянцев пододвинул к судебному следователю документ, — там всё написано. Евсей Лукич Баранко, проживает в деревне Матушкино.

Судебный следователь пробежал его глазами и убрал в папку.

— Отлично, — Рябинин на минуту задумался. — Сначала расскажу, что у нас. Потом составим план действий.

Аристарх Платонович достал из своей папки маленький бумажный пакетик с ключом и положил на стол перед Вороновым и Румянцевым:

— Наш бывший заключённый, Аким Трофимович Лебезя, убегая от преследователя, пытался этот ключик проглотить. Но вышло у него это не очень. Ключик оказался большим, а при беге ещё и попал не в то горло. В итоге он задохнулся. На ключе, на стержне, набит номер — предположительно, это номер банковской ячейки. А на головке ключа стоит клеймо банка «Братьев Голованових».

Воронов и Румянцев переглянулись.

— Выходит, он вышел из тюрьмы, сходил в тайничок, забрал ключик и собирался посетить свой личный сейф в банке. Но об этом кто-то узнал и хотел ключик перехватить, — сказал Воронов.

— Всё так, Иван Макарович, кроме одного. В банке «Братьев Голованових» для доступа к личному сейфу нужна ещё и карточка банка, на которой есть номер сейфа, данные клиента и правила банка для доступа к ячейке, — произнёс Рябинин. — А это значит, что абы кто туда не попадёт, даже имея ключик и карточку. Только если у него нет доверенности. И ещё один маленький, но важный момент. Наша жертва сидела за кражу со взломом, значит, по его делу в банки отправляли запрос, и если бы у него что-то там было, это уже бы изъяли. А он ключик хранил. И даже съесть пытался.

— Выходит, личный сейф не на его имя был. Возможно, у него был сообщник. И, возможно, именно он за ключиком охотился, — сказал Румянцев.

— Выходит, так, — кивнул Рябинин. — Итак, давайте по порядку. Сначала разберёмся с делом нашего душегуба. Первое, Мохов продолжает заниматься обувными мастерскими. Второе, на мне репетитор, надеюсь, завтра я с ним встречусь. Дальше, жёлуди — на Василии. Теперь касаемо наших швейцаров, завтра я оформлю постановление на задержание Евсея Лукича Баранко. Пусть Горюнов отправляет городовых в деревню Матушкино и везёт этого отравителя слабительным сюда — будем допрашивать.

Рябинин подождал, пока Румянцев и Воронов сделают себе пометки, и продолжил:

— Теперь по нашей новой жертве, утром я подниму его дело. Посмотрим с Василием, что там за кража была и вообще, нашли краденое или нет. Постановление на осмотр личного сейфа тоже сделаю, глянем, что там лежит. По этому делу мы с Василием сами пока заниматься будем. Хотя… — Аристарх Платонович посмотрел на начальника сыскного отделения. — Ты бы приехал, Иван, ко мне в окружной суд с утра. Вместе глянем дело этого Лебези. Вдруг вспомнишь чего.

— Хорошо, Аристарх. Приеду. А Фёдор тогда тут будет. Горюнову скажи, чтобы швейцара к нам везли. Если быстро привезут, то, может, Фёдор Емельянович допросить его успеет, — сказал Воронов.

— Не успеют они его привезти. Только если ночью. Пока постановление, пока Горюнов конный экипаж отправит… Долго всё. Да и ехать им часов шесть в одну сторону. Так что пусть к себе в полицейский участок везёт. Потом Фёдор Емельянович его допросит, — произнёс Рябинин.

— Ладно, договорились. Утром у тебя буду, — согласился Воронов с доводами судебного следователя.

В кабинет постучали:

— Войдите, — сказал Воронов, и в открывшуюся дверь вошёл городовой.

— Добрый вечер, ваше высокоблагородие. Я вот заключение привёз от судебного врача, — городовой подошёл к столу и протянул документ.

Рябинин его забрал, быстро пробежал глазами и посмотрел на городового:

— Спасибо. Больше вас не задерживаю.

Городовой кивнул и быстро вышел из кабинета.

— Что там? — спросил Воронов.

— Семён Лукич полное заключение сделал. Как он и говорил, вскрытие показало, что наш Лебезя задохнулся из-за ключика, — Аристарх Платонович встал. — Поехали по домам. Завтра дел много. Надо бы отдохнуть.

Через двадцать минут пролётки увозили их по домам. Белозёров решил сегодня даже не ужинать. День выдался для него слишком долгим и нервным. Доехав до дома, он расплатился, постоял минуту возле подъезда и отправился спать.

Проснулся Василий слишком рано. Встав, он привёл себя в порядок и отправился в трактир, который уже начинал работать и подавать ранние завтраки.

В половине седьмого утра Белозёров уже стоял на крыльце окружного суда, дожидаясь судебного следователя Рябинина.

— Доброе утро, Аристарх Платонович, — поздоровался Василий, когда Рябинин вылез из пролётки.

— Доброе, Василий Игнатьевич. Уже завтракал? — спросил Рябинин.

— Завтракал, — ответил Василий. — Готов к работе.

— Отлично, — Рябинин протянул ему ключ от кабинета. — Иди в кабинет, а я заскочу в архив — дело Акима Лебези возьму. Посмотрим, за что конкретно его посадили.

Они вошли в здание суда. Белозёров проводил взглядом судебного следователя и пошёл в кабинет. Войдя внутрь, он сразу открыл окно, помня, что Аристарх Платонович всегда с утра проветривает рабочее место.

Через десять минут дверь открылась, и вошёл начальник сыскного отделения.

— Доброе утро, Василий. А где Рябинин? — спросил Воронов, посмотрев на пустое кресло судебного следователя.

— Доброе утро. Сейчас придёт. Ушёл в архив за делом Лебези, — ответил Белозёров.

Воронов кивнул и устроился рядом с Василием за небольшим столом.

Практически сразу вошёл Аристарх Платонович, держа в руках небольшую папку с делом.

— Доброе утро, Иван. Ты вовремя, — Рябинин подошёл к столу и положил перед Вороновым и Белозёровым дело.

— Доброе, Аристарх, — кивнул Воронов.

Судебный следователь взял ещё один стул и подсел к ним. Открыв дело на первой странице, он быстро пробежал его глазами и усмехнулся:

— Дело принимает интересный поворот, господа. Наша жертва отбывала срок за кражу со взломом ювелирного магазина некоего Хаима Боруховича Фридмана.

Рябинин открыл следующую страницу:

— О-о-о… Да тут прямо огромный список украденных драгоценностей, и даже имеются золотые слитки с клеймом. Интересно, где он их взял? — судебный следователь замолчал, но почти сразу продолжил: — Это серьёзная кража. Общая сумма — больше пятисот тысяч рублей. Но что самое интересное, краденое так и не нашли.

Аристарх Платонович полистал дело, пробегая его глазами. Потом закрыл и посмотрел на Воронова:

— Иван Макарович, дело твои расследовали. И всё сделали как положено. Даже все банки и скупщиков проверили. Ничего из украденного найдено не было. А нашего Лебезю взяли по показаниям свидетелей: его видел дворник. А потом и отпечатки, найденные в магазине,

совпали. Он не отпирался, в краже признался сразу. Но вот краденое так и не нашли. Лебезя клялся, что всё успел сбыть по тайным каналам через подпольных скупщиков, а деньги потратить. Естественно никого из скупщиков он не сдал. Хотя всё это сомнительно. Даже если он всё продал за половину стоимости или даже меньше, сумма выходила внушительная. Дали ему год. И вышел он как раз два дня назад, а вчера задохнулся ключиком от личного сейфа в банке.

Пока Рябинин говорил, Белозёров пододвинул к себе дело и стал просматривать.

— Аристарх, значит, у него был сообщник, о котором мы тогда ничего не выяснили, — произнёс Воронов.

— Вот именно. Лебезя всё взял на себя, да и в магазине он был один. Вот никто ничего и не заподозрил. У него нашли небольшую сумму — десять тысяч рублей. На этом все и успокоились, — ответил Рябинин и посмотрел на Василия, который задумчиво держал в руках один из документов дела.

— Что-то нашёл интересное? — спросил судебный следователь.

— Страховка. Ювелир получил страховку от страхового общества «Россия». Буквально за три месяца до кражи наш Хаим Борухович Фридман заключил договор имущественного страхования, куда в том числе включил риски кражи и кражи со взломом, — ответил Василий, посмотрев на Воронова и Рябинина.

— Думаешь, это как-то связано? — заинтересованно спросил Воронов, но Василий ответить ему не успел.

В дверь настойчиво постучали.

Рябинин повернулся к двери:

— Войдите.

В кабинет вошёл городовой:

— Доброе утро, ваше высокоблагородие. Меня прислал начальник полицейского участка, — начал он докладывать. — Рано утром было нападение на ювелирный магазин. Застрелили хозяина…

— Подождите, — оборвал его Белозёров. — Дайте угадаю, убитый — Хаим Борухович Фридман?

У городового вытянулось лицо от удивления:

— Как вы узнали, ваше благородие?

— Интуиция, — отмахнулся Василий и посмотрел на задумавшегося Рябинина.

Аристарх Платонович посмотрел на городового:

— Адрес у нас есть. Скоро прибудем. В сыскном отделении уже были?

— Да, ваше высокоблагородие. Фотограф Пётр Степанович уже собирается, ему другие городовые помогут с аппаратурой. А помощник начальника сыскного отделения Румянцев меня сюда отправил, сказал, вы все здесь, — отчеканил городовой.

— Хорошо. Поезжайте к Аркадию Ильичу, сообщите, что мы скоро прибудем, — приказал Аристарх Платонович.

Городовой развернулся и покинул кабинет, а судебный следователь посмотрел на Белозёрова и Воронова:

— Вы поезжайте, а я быстро оформлю постановление на задержание нашего швейцара Евсея Лукича Баранко по делу артистки и постановление на обыск сейфа в банке. Потом заеду к репетитору — это по дороге к ювелирному магазину.

— Как скажешь, Аристарх, — Воронов и Белозёров встали. — Мы тогда пока там всё осмотрим. Если будут свидетели — допросим.

— Мохов по мастерским ездит? — уточнил Рябинин.

— Да, всё как и договорились вчера. А Фёдор Емельянович в отделении, занимается текущими делами, — ответил начальник сыскного отделения.

— Хорошо, — судебный следователь тоже встал и пошёл к своему столу. — Василий, — окликнул он Белозёрова, когда он и Воронов уже подошли к двери кабинета, — думаешь, убийство ювелира и смерть Лебези связаны?

— Я в этом уже уверен, Аристарх Платонович, — ответил Белозёров.

— Постараюсь прибыть как можно скорее, — кивнул Рябинин.

Воронов и Белозёров вышли из окружного суда.

— Иван Макарович, вы поезжайте, а мне надо зайти в одно место, тут недалеко. Я приеду сразу за вами. Пусть Пётр Степанович пока снимки общие начинает делать, — произнёс Василий.

— К Арону Абрамовичу зайти хочешь? — спросил Воронов и посмотрел на Белозёрова.

— Да, — ответил Белозёров. — Я не знал, что вы его тоже знаете.

— Знаю, — кивнул Воронов. — Жду тебя в ювелирном магазине. Долго не задерживайся.

— Я быстро, — Белозёров быстрым шагом направился к ювелирной лавке Арона Абрамовича.

В ювелирной лавке были покупатели: молодая пара выбирала для девушки ожерелье. Ювелир, увидев Василия, улыбнулся и кивнул в знак приветствия.

— Вы определились? — вежливо поинтересовался Арон Абрамович у девушки.

— Да, Арон Абрамович, мы купим вот это ожерелье, — девушка сняла с шеи украшение и вернула его ювелиру. — После обеда мы зайдём за покупкой. Надо сходить в банк, чтобы снять деньги.

Она улыбнулась ювелиру.

— Я буду вас ждать, — Арон Абрамович убрал ожерелье с витрины.

Молодая пара направилась к выходу. Ювелир их проводил и закрыл дверь на щеколду.

— Добрый день, Василий, — сказал Арон Абрамович и позвал сына: — Моня, иди быстрее, Василий пришёл.

— Добрый день, Арон Абрамович, я ненадолго, — начал Василий. — У меня к вам дело.

— Понимаю, — кивнул ювелир. — Сейчас посидим, выпьем чаю и поговорим.

Из соседней комнаты вышел Моня:

— Василий, — он расплылся в улыбке.

— Моня, делай нам чай, у Василия очень мало времени, — распорядился ювелир. — Пойдёмте, Василий.

Арон Абрамович зашёл за витрину и направился в комнату следом за Моней. Белозёров оглянулся, посмотрел, что дверь надёжно закрыта, и поспешил за ювелиром.

В комнате стоял небольшой стол, на котором красовался самовар, подогреваемый спиртовой горелкой. Дальше была ещё одна дверь.

— Очень удобно, — произнёс ювелир, увидев заинтересованный взгляд Василия. — Не надо никуда ходить. Дверь ведёт в гостиную нашей квартиры. Так что лавка всегда под присмотром.

— А такое расположение у всех ювелиров? — спросил Василий, присаживаясь на стул, любезно пододвинутый ему Моней.

— Практически у всех, кто снимает магазины и квартиры в доходных домах, — ответил Арон Абрамович, присаживаясь рядом.

Моня уже разливал чай по чашкам и выставлял на стол сахар с конфетами.

— Моня, как твоя рана? — поинтересовался Василий.

— Спасибо, уже практически всё зажило. Давид Моисеевич сказал, что надо будет через неделю снять нитки, — ответил Моня.

— Я рад, что шов так быстро заживает, — Василий улыбнулся и снова посмотрел на ювелира. — Арон Абрамович, а вы знали ювелира Хаима Боруховича Фридмана?

— Конечно, Василий. Хаим частенько заходит ко мне в гости. Мы с ним обсуждаем нашу работу. Иногда консультируем друг друга при оценке особо ценных и редких ювелирных изделий. Но почему вы говорите «знали»? С ним что-то случилось? — ювелир внимательно посмотрел на Белозёрова.

— Его застрелили сегодня утром в ювелирном магазине, — честно ответил Василий.

Арон Абрамович покачал головой:

— Я мог бы сразу догадаться. Ведь сыщики не просто так задают такие вопросы. Спрашивайте, Василий, что вас интересует. Надеюсь, моя информация поможет вам поймать душегуба.

— Скажите, Арон Абрамович, что вы знаете о краже со взломом, которая была чуть больше года назад? — задал вопрос Белозёров.

— Наверное, то же, что и вы, Василий. Хаима в ту ночь не было, когда в магазин проникли и всё вынесли. Он в тот раз уезжал за город — в усадьбу какого-то купца или графа, я точно не знаю. У него был крупный заказ на оценку ювелирных украшений, — ответил Арон Абрамович.

— А страховку он сразу получил? — уточнил Белозёров.

— Примерно через три недели, когда грабителя арестовали и не смогли найти украденное. Он потом ещё с полученных денег рассчитался с долгами, — сказал ювелир.

— А много у него долгов было? — заинтересованно произнёс Василий.

— Точно не знаю, мне он вернул сорок тысяч, — Арон Абрамович сделал несколько глотков чая.

— В списке украденного были золотые слитки с клеймом казначейства. Где Хаим их мог взять? — задал новый вопрос Василий.

Ювелир задумался. Взяв чашку, он снова отпил чай, потом посмотрел на Белозёрова:

— Есть два варианта, Василий. Первый: они могли к нему попасть из самого казначейства. Иногда они продают слитки на аукционе, когда требуется пополнить казну. Второй вариант: с ним могли ими рассчитаться. Но я об этом не слышал. Либо Хаим мне не говорил. Много слитков было?

— Нет, примерно на десять тысяч рублей. Просто мне интересно стало, где он мог их взять, — ответил Василий. — К тому же сумма украденного — больше пятисот тысяч.

— Хаим был очень процветающим ювелиром. Он делал удивительные вещи, которые стоили очень дорого. Но та кража практически его разорила. Если бы он не застраховал свои убытки, то ему пришлось бы распродать своё имущество, чтобы выплатить все долги. Но даже после того, как он рассчитался с долгами, он до сих пор не восстановил тот уровень своих запасов. Ведь для ювелиров важны не только деньги — главное, ювелирные украшения. Надо же чем-то торговать, — произнёс Арон Абрамович. — Многие ювелиры продали ему часть своих изделий, чтобы наполнить магазин. Я тоже продал.

— Спасибо, Арон Абрамович, — Василий одним глотком допил остывший чай и встал. — Выздоравливай, Моня.

Белозёров направился к выходу из комнаты, но потом остановился и посмотрел на ювелира:

— Арон Абрамович, а мог Хаим инсценировать ограбление, чтобы получить страховку?

Глава 4

Василий ехал в пролётке на место происшествия. Его смущал ответ ювелира на последний вопрос:

— Василий, при всём моём уважении к вам, — сказал Арон Абрамович, — даже если Хаим это сделал, то я не стану это подтверждать или опровергать. В нашем кругу это не принято.

Белозёров был уверен, что Арон Абрамович догадывался, что ограбление было инсценировано. Ведь только ему Хаим вернул сорок тысяч долга. А скольким он был ещё должен — неизвестно. Да, запас драгоценностей был огромным, но, скорее всего, кредиторы наседали, а реализовать такой объём товара в короткие сроки было нереально. Афера с ограблением подходила идеально. Ювелир получал деньги по страховке, рассчитывался с долгами, а на остаток мог снова запустить свой магазин — что, собственно, он и сделал. А когда из тюрьмы выйдет грабитель, драгоценности постепенно вернутся в магазин ювелира. Прошёл год, всё утихло. И Хаим мог постепенно реализовывать то, что якобы было украдено. Отличная схема. Грабитель не рисковал снова быть пойманным на сбыте. Всё реализовывалось через Хаима. А золото так вообще могло быть переплавлено и пущено на новые изделия. Но теперь возникал вопрос: кто ещё участвовал в этой схеме и кто мог гнаться за Лебезей, а потом убить ювелира?

Пролётка остановилась возле ювелирного магазина, возле двери которого стояли несколько городовых, отгоняя зевак.

— Судебный следователь Рябинин приехал? — спросил Василий, показывая своё служебное удостоверение городовым, которые преградили ему дорогу.

— Ещё нет, ваше благородие, — ответил городовой, пропуская Белозёрова внутрь.

В магазине уже вовсю работал Лужин, а Горюнов и Воронов стояли в стороне.

— Доброе утро, Аркадий Ильич, — сказал Василий, подходя к начальству.

— Доброе утро, Василий. Ты вовремя. Пётр Степанович уже сделал общие снимки, — произнёс Горюнов.

— Иван Макарович, свидетели были? — Белозёров посмотрел на Воронова.

— Только жена ювелира. Говорит, услышала выстрел, находясь в квартире. Но когда вышла, нашла только убитого мужа на полу, — начальник сыскного отделения кивнул в сторону тела. — А ты что-нибудь выяснил?

— Да, расскажу позже, когда Аристарх Платонович приедет. Пока осмотрю тело и помогу Петру Степановичу сделать снимки, если будет необходимость, — Василий подошёл к Лужину: — Доброе утро. Есть что-то интересное?

— Нет. Кроме того, что ювелира пристрелили. Витрины тоже все целые. Жена убитого подтвердила, что ничего не пропало, — ответил фотограф.

Василий осмотрелся и опустился возле тела на одно колено. Достал лупу и стал осматривать рану.

Потратив на это несколько минут, он встал и посмотрел на Петра Степановича:

— Похоже, стреляли с близкого расстояния, — тихо сказал Белозёров. — Но точно сейчас не скажу. Мало света. Придётся ехать в прозекторскую к Семёну Лукичу вместе с телом.

— Ладно, мне здесь особо делать нечего. Поеду назад в лабораторию, — сказал Лужин и стал собирать оборудование.

— Подождите. Дождёмся Рябинина. Возможно, поедем в банк, — попросил Белозёров.

— Ну что там у вас? — спросил Горюнов. — Тело забираем или ждём судебного следователя?

— Давайте дождёмся, тем более… — Василий быстро достал свои часы из кармашка сюртука и посмотрел время. — Он скоро должен прибыть.

Рябинин появился через десять минут. Войдя в ювелирный магазин, он быстро огляделся:

— Доброе утро, Аркадий Ильич. Василий, улики для изъятия имеются?

— Нет, — отрицательно покачал головой Белозёров. — Но надо поприсутствовать на вскрытии тела.

Рябинин кивнул и повернулся к Горюнову, вытаскивая из папки постановление на задержание.

— Аркадий Ильич, отправьте людей. К завтрашнему утру мне нужен этот человек в полицейском участке, — судебный следователь протянул начальнику полицейского участка документ.

Горюнов быстро его прочитал:

— Сделаем.

— Аристарх Платонович, — к ним приблизился Василий, — предлагаю сначала обыскать банковский сейф. А уже потом ехать на вскрытие.

Рябинин на мгновение задумался:

— Хорошо. Как раз все здесь. Аркадий Ильич, пусть городовые забирают тело и везут в прозекторскую, но скажут судебному врачу, чтобы дождался нас, прежде чем делать вскрытие. А мы пока сделаем обыск в банке «Братьев Голованових».

— Как прикажете, Аристарх Платонович. Я вам в банке нужен? Вряд ли там потребуется грубая сила моих городовых, но несколько человек могу с вами отправить, — произнёс Горюнов.

— Не стоит. Лишняя суета возле банка только усугубит дело и привлечёт зевак. Понятых привлечём из служащих банка, тем более там обычный обыск, Аркадий Ильич, — ответил судебный следователь.

— Тогда я поеду, отправлю конный экипаж на задержание. Если погода будет хорошая, то ночью вернутся, — Горюнов открыл дверь ювелирного магазина и крикнул городовым.

Городовые унесли тело ювелира и уехали вместе с начальником полицейского участка.

Белозёров с Вороновым взяли саквояж и ящик с пластинами, помогая Лужину. Через несколько минут они уже рассаживались в пролётке.

— Банк «Братьев Голованових», — сказал Рябинин извозчику, и пролётка мерно застучала колёсами по мостовой.

— Василий, рассказывай, что узнал у Арона Абрамовича, — сказал начальник сыскного отделения, когда пролётка отъехала от ювелирного магазина.

— Если коротко, то у нашего убитого ювелира были долги. После получения страховки он с ними успешно рассчитался и продолжил работать. Я уверен, что вся эта кража со взломом была инсценирована, чтобы получить деньги от страхового общества и рассчитаться по долгам. Тем более он так удачно отсутствовал в ту ночь. Скорее всего, и жены дома не было, — ответил Белозёров.

— Тогда получается, у них был ещё один сообщник? — Рябинин посмотрел на Василия.

— Выходит, так. Личный сейф в банке вряд ли был оформлен на ювелира. Хотя сейчас мы точно это узнаем, — согласился Белозёров.

Пару минут они ехали молча, пока Рябинин не сказал:

— По репетитору тоже есть интересная информация. — Судебный следователь посмотрел на Василия: — Ты был прав. Оба студента ходили к одному и тому же репетитору.

— Узнали, кто он? — сразу заинтересовался Белозёров.

— Конечно, я был у него. Им оказался мой знакомый. И он точно не подходит под нашего душегуба: рост слишком маленький и размер ноги тоже. Но вот что он мне поведал, — Рябинин сделал театральную паузу и обвёл всех взглядом, — Варвара Павловна, секретарь ректора,

прекрасно знала, что Костин и Орлов занимались у моего знакомого репетитора. Она сама их отправила к нему. Репетитор платит ей за каждого студента, которого она присылает.

— Вот как, — удивился Василий, — а ведь она на мой вопрос, к кому мог обратиться Костин, ответила, что не знает.

— Всё верно. Я помню, как ты спрашивал, — произнёс Аристарх Платонович. — Придётся её допросить под протокол. Да и с ректором ещё разок стоит поговорить.

— Да, возможно, он в курсе, что она таким образом зарабатывает, — согласился Василий.

— Можем вызвать их ко мне в сыскное отделение, — предложил Воронов. — И там допросить.

— Пока не стоит. Потом сами заедем, — отказался Рябинин.

Пролётка остановилась возле парадного входа в банк.

— Вы пока выгружайтесь, а я найду управляющего, — произнёс судебный следователь и направился к входу. Швейцар в парадной ливрее, слегка поклонившись, сразу открыл перед Рябининым дверь.

Василий помог выйти из пролётки фотографу, придержав штатив с камерой, взял ящик с пластинами и направился в банк, следуя за Вороновым и Лужиным.

В банке было полно народа. Иван Макарович огляделся и, увидев Рябинина, стоявшего возле лестницы вместе с управляющим, показал на него рукой:

— Пошли, вон Рябинин вместе с управляющим.

— Идём в хранилище, — произнёс Аристарх Платонович, как только они подошли. — Гаврила Степанович нас проводит и будет одним из понятых.

— Одну минуту, Аристарх Платонович, — сказал управляющий банка. — Сейчас возьму дубликат ключа и карточку того, кто арендовал этот личный сейф.

Рябинин кивнул, и Гаврила Степанович быстрым шагом направился к кассам банка. Через несколько минут он вернулся с двумя служащими, держа в руках ключ и карточку.

— Можем идти. Эти служащие тоже будут понятыми, — управляющий сделал приглашающий жест и направился во внутренние помещения банка.

Хранилище находилось на цокольном этаже; мощные решётки и охрана преграждали путь к личным сейфам клиентов.

Чтобы добраться до хранилища, потребовалось больше десяти минут. Наконец они вошли в специальное помещение, где клиенты могли воспользоваться своим личным сейфом. В центре стоял круглый стол и несколько стульев.

Управляющий банком нашёл нужный сейф:

— Это большой сейф, Аристарх Платонович. Таких в нашем банке всего пятьдесят штук. Остальные в два, а то и в три раза меньше, — сообщил управляющий.

— Гаврила Степанович, прежде чем вы откроете сейф, дайте мне карточку клиента. Я начну заполнять протокол досмотра, — Рябинин сел за стол, открыл свою папку и достал чистый бланк протокола. Рядом положил перьевую ручку и маленькую чернильницу-непроливайку.

Через пару минут судебный следователь посмотрел на фотографа:

— Пётр Степанович, сделайте снимок сейфа, чтобы было видно отсутствие повреждений, — попросил Рябинин.

Пока Лужин делал снимок, Рябинин переписал все данные с карточки клиента и встал.

— Понятые, начинаем, — он обвёл всех взглядом. — Открывайте сейф, Гаврила Степанович.

Управляющий кивнул и открыл сейф. Внутри, плотно прижатые друг к другу, находились две сумки.

Лужин сразу сделал снимок и кивнул Рябинину.

— Василий, вынимай сумки и давай их сюда, на стол, — приказал Аристарх Платонович.

Белозёров молча подошёл к сейфу. Доставая сумки и ставя их на стол, он сразу ощутил тяжесть.

— Понятые, прошу внимания, — произнёс Рябинин и открыл первую сумку.

Она была забита слитками золота и ювелирными украшениями; во второй было то же самое.

Воронов приблизился к Рябинину и тихо произнёс:

— Надеюсь, ты догадался взять список украденного из дела Лебези?

Судебный следователь отрицательно покачал головой.

— Придётся делать опись, но в любом случае нам нужен ювелир, поэтому поступим по-другому, — ответил Рябинин и посмотрел на управляющего, который стоял со скучающим видом. — Гаврила Степанович, сейчас мы всё вернём в сейф, потом я его опечатаю, и банк без моего ведома вскрывать сейф не будет. В течение двух дней мы проведём полную выемку с описью в присутствии понятых и приглашённого ювелира.

— А что мне делать, если появится владелец карточки и ключа? Или его доверенное лицо? — спросил управляющий банком.

— Вы его задержите и вызовите городовых, а также меня, — ответил Рябинин.

— Хорошо, Аристарх Платонович. Надеюсь, вы быстро решите вопрос с этими драгоценностями. Наш банк не желает иметь ничего общего с хранением драгоценностей, которыми интересуется полиция и судебный следователь. Ведь ясно, что они проходят по какому-то делу, — произнёс управляющий.

— Не переживайте, Гаврила Степанович. Я постараюсь, чтобы об этом не узнали репортёры. Главное, чтобы с вашей стороны было полное содействие следствию, — усмехнулся Рябинин.

— Мы всё сделаем, Аристарх Платонович, — сказал Гаврила Степанович.

— Ну и прекрасно. Василий, убирай сумки в сейф. Пётр Степанович, сделайте снимки, что сумки вернули в сейф. Потом сделаете снимок, что сейф опечатан, — распорядился судебный следователь.

Завершив все процедуры с сейфом и понятыми, они вышли из банка.

— Что будем делать, Аристарх Платонович? — поинтересовался Воронов.

— Сейчас заедем в окружной суд, я быстро сделаю постановление на задержание арендовавшей личный сейф Зинаиды Аркадьевны Тихомировой, и все вместе поедем в полицейский участок на вскрытие ювелира, — ответил Рябинин, подавая знак стоящему недалеко от банка извозчику.

Пролётка быстро везла их по московским улицам. Извозчик покрикивал на перебегавших дорогу прохожих, но скорость не сбавлял.

Ловко подрулив к крыльцу окружного суда, он остановил лошадь.

— Ждите, — коротко бросил Рябинин, выскакивая из пролётки.

Вернулся он спустя двадцать минут с недовольным видом, запрыгнул в экипаж и скомандовал:

— Гони в полицейский участок.

— Что случилось, Аристарх? На тебе лица нет, — спросил Воронов.

— Окружной судья стал задавать слишком много вопросов. Он, конечно, право на это имеет, но ведь видел же, что я спешу, — ответил Рябинин, закрывая глаза.

— Надеюсь, ты с ним не поругался? — поинтересовался начальник сыскного отделения.

— Нет, Иван. Но крови он мне попил, — открыв глаза, произнёс судебный следователь.

Спустя двадцать минут они уже входили в полицейский участок. Рябинин сунул в руки дежурному городовому постановление на задержание и отправил к Горюнову:

— Передай Аркадию Ильичу, чтобы эту даму прямо сейчас везли сюда.

Городовой побежал по коридору в сторону кабинета начальника полицейского участка, а Рябинин, Воронов, Лужин и Белозёров стали спускаться в прозекторскую.

— Добрый день, — поздоровался со всеми судебный врач. — Я уже вас заждался.

— Добрый день, Семён Лукич, давайте начинать, — сразу перешёл к делу Рябинин.

Остальные тоже поздоровались и подошли к прозекторскому столу, на котором лежало тело ювелира.

— Я уже поверхностно осмотрел тело, — начал говорить судебный врач. — Огнестрельная рана. Стреляли с близкого расстояния.

Белозёров достал лупу и подошёл ближе:

— Семён Лукич, не против, если я посмотрю?

— Конечно, Василий, — судебный врач отошёл в сторону.

Василий склонился над телом, через лупу внимательно осматривая одежду и рану.

— Судя по характеру раны и следам копоти, я могу сказать, что стреляли примерно с двух метров. Жертва и стрелок стояли напротив друг друга, — сказал Белозёров, отходя от тела.

— Вы правы, Василий, — улыбнулся Тулин. — Я бы даже сказал, что вы абсолютно правы. Откуда у вас такие познания?

— Читал слишком много книг, — уклончиво ответил Белозёров.

— Семён Лукич, давайте достанем пулю, — поторопил Аристарх Платонович. — Знания Василия можно обсудить и потом.

Через минуту судебный врач уже промывал пулю в растворе. Положив её в чистую ванночку, он взял лупу и внимательно на неё посмотрел.

— Василий, что скажете по поводу пули? — спросил Тулин, продолжая её рассматривать.

Белозёров глянул на Рябинина, и тот кивнул, давая разрешение.

Снова шагнув к прозекторскому столу, он достал свою лупу и посмотрел на пулю:

— Калибр семь и шестьдесят два, — начал уверенным голосом говорить Белозёров. — Четыре нареза, ход правый. Это пуля от револьвера Нагана образца тысяча восемьсот девяносто пятого года. К тому же ствол изношен.

— Браво, — судебный врач захлопал в ладоши. — Василий, вы просто дарование. Такие познания в вашем возрасте! Я потратил несколько лет, общаясь с оружейниками, чтобы получить такие знания. А вы говорите, что всё узнали из книг. Но такой информации в книгах нет.

— Что касается оружия, Семён Лукич, мой дядя был хорошим оружейником, он и научил, — соврал Белозёров, глядя в смеющиеся глаза судебного врача.

— Семён Лукич, хватит хвалить нашего сыщика. Если мы всё выяснили, то напишите заключение, — произнёс Рябинин.

— Сейчас этим займусь, Аристарх Платонович. Отправить его к вам с городовым? — уточнил судебный врач.

— Нет. Мы будем в кабинете Аркадия Ильича, — сообщил Рябинин.

— Через полчаса всё будет готово, — сказал Семён Лукич.

Рябинин направился к выходу из прозекторской.

— Зря меня сюда тащили, — буркнул Лужин, поднимаясь за судебным следователем по лестнице, неся штатив и камеру.

— Ну, может, и не зря, — негромко заметил Воронов. — Василий в очередной раз продемонстрировал нам свои познания. Я даже не жалею, что ношу ваш саквояж, Пётр Степанович.

— В следующий раз буду делать это осторожнее, — вздохнув, произнёс Белозёров, поудобнее перехватывая ящик с пластинами для камеры. — Особенно при Семёне Лукиче.

Поднявшись из прозекторской, они направились в кабинет начальника полицейского участка Горюнова.

Не успели они толком устроиться на стульях за столом в кабинете Горюнова, как в дверь сильно постучали.

— Кого там принесло? — крикнул Аркадий Ильич.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался бледный городовой:

— Ваше высоко… — городовой сбился, пытаясь отдышаться после бега. — Аркадий Ильич, эта дама, которую привезти надо было…

— Что с ней?! — Рябинин вскочил со стула.

Глава 5

— Она… она… — городовой побледнел ещё больше под взглядом судебного следователя.

— Да не мямли ты! — рявкнул Горюнов.

Городовой вдохнул, выдохнул, собрался с мыслями и наконец нормально заговорил:

— Мы приехали по адресу в доходный дом. Дама проживает на четвёртом этаже. Поднялись. Дверь в её квартиру была приоткрыта. Когда вошли, то увидели, что она привязана к стулу. Вся в крови. Думали — всё, новый труп. Даже пульс не смогли прощупать. Но она вдруг застонала.

— Дальше что? — поторопил Рябинин.

— Увезли её в Странноприимный дом, на Сухаревку. Шереметевская больница, которая, — ответил городовой.

Аристарх Платонович замер, по его виду было понятно, что он активно размышляет.

— Аркадий Ильич, бери городовых, надо выставить охрану возле палаты Тихомировой, — заговорил Рябинин, потом посмотрел на Лужина: — Пётр Степанович, поедешь с нами. Надо сделать снимки пострадавшей.

Фотограф молча кивнул и встал со стула. Остальные тоже поднялись.

— Собери всех свободных людей, — приказал Горюнов продолжавшему стоять в дверях городовому. — У тебя пять минут.

Городовой сразу кинулся выполнять приказ начальника полицейского участка.

— Иван Макарович, — судебный следователь посмотрел на начальника сыскного отделения, — поезжай к Давиду Моисеевичу в частную лечебницу. Делай что хочешь, но привези его в Шереметевскую больницу. Там хоть врачи и хорошие, но мне нужен врач, которому я могу доверять.

— Сделаю, Аристарх Платонович, — ответил Воронов.

— Всё, поехали. Надеюсь, она выживет и всё нам расскажет, — Рябинин резко развернулся и направился к выходу из кабинета.

Белозёров снова взял ящик с пластинами для камеры: за сегодня он уже с ним сроднился. Лужин уже держал штатив и камеру, а Воронов помог нести саквояж фотографа.

Через десять минут Горюнов, Лужин, Белозёров, Рябинин и конный экипаж с городовыми поехали в больницу. Воронов же отправился за Давидом Моисеевичем.

Белозёров посмотрел на задумавшегося Рябинина:

— Я думаю, что это кто-то из страхового общества. Возможно, действующий или бывший служащий. Тот, кто знал о страховке и мог догадаться, что это была афера.

— Тогда почему он не начал действовать сразу? Намного раньше? — Аристарх Платонович поднял голову и посмотрел на Белозёрова.

— Возможно, не знал, где искать ключ, либо… — Василий задумался.

— Либо задохнувшийся ключом Лебезя проболтался, пока сидел в тюрьме, своему сокамернику, — вдруг сказал начальник полицейского участка. — А тот продал информацию. Либо воспользовался сам. Хотя, скорее всего, продал. В Таганской тюрьме короткие сроки сидят, в основном за воровство и кражи. Мошенники тоже есть. Но редко кто из них становится душегубом. Так что, скорее всего, информация попала к кому-то из тюрьмы. Может, и к страховщику. Они частенько платят, чтобы найти украденное и вернуть деньги в страховое общество.

Экипажи въехали на территорию больницы.

— Аркадий Ильич, пусть городовые обыщут территорию и больницу. Всех подозрительных сразу задерживать. Потом разберёмся. А мы пока найдём палату с пострадавшей, — распорядился Рябинин.

Горюнов выскочил из пролётки и стал раздавать приказы городовым. Белозёров с Лужиным и Рябининым отправились к двери больницы.

Навстречу им выскочила медсестра:

— Да что вы себе тут позволяете?! — повысив голос, спросила она, но сразу осеклась, увидев судебного следователя и толпу городовых, которые уже начали расходиться по территории больницы.

— Где пострадавшая, которую недавно привезли городовые? — спокойным голосом спросил Аристарх Платонович.

— Там… — она показала рукой внутрь больницы.

— Где там? Ведите нас! И главного врача больницы зовите, — строгим голосом приказал Рябинин.

Медсестра развернулась и быстрым шагом пошла по коридору.

В палате, куда поместили Зинаиду Аркадьевну Тихомирову, больше никого не было. Судебный следователь подошёл к женщине и, посмотрев на неё, повернулся к Белозёрову:

— Василий, можешь её осмотреть и сказать, что с ней?

— Могу, Аристарх Платонович, но я не врач, — ответил Василий и подошёл к койке.

Взяв её аккуратно за руку, он уловил пульс, потом прислушался к дыханию, приподнял простыню, которой была укрыта женщина, и бегло осмотрел раны.

— Ну что? — спросил Рябинин.

— Пульс ровный, но очень слабый. Дыхание тоже. Ран слишком много, скорее всего, её пытали. Они неглубокие, но из-за большого количества она потеряла много крови. Скорее всего, преступник посчитал её мёртвой и не стал добивать, — Белозёров прикрыл женщину.

— Кто вы такие и что вам тут надо? — за спинами Рябинина и Белозёрова раздался громкий голос.

Судебный следователь медленно развернулся к говорившему:

— Судебный следователь Аристарх Платонович Рябинин. А вы, я так понимаю, главный врач этой больницы?

— Да, я… — начал врач, но Рябинин резко оборвал его:

— Мне без разницы, как вас зовут, но если эта женщина умрёт, я сделаю всё, чтобы посадить вас за халатность. Я ясно выражаюсь?

— Я буду жаловаться… — чуть тише заговорил врач, но Аристарх Платонович его снова оборвал:

— Жалуйтесь куда хотите. Это ценный свидетель и жертва нападения. Если она умрёт, то вас ни одна жалоба не спасёт. С этого момента тут будут постоянно находиться городовые. Сейчас придёт мой доверенный врач и осмотрит её. Если вы будете препятствовать, то я получу постановление на ваше задержание как лица, мешающего следствию. — Рябинин шагнул к главному врачу больницы, и тот непроизвольно сделал шаг назад. — Когда мой врач осмотрит её, он скажет, что вы должны делать. Ясно?

— Да, да. Ваше высокоблагородие, — промямлил сразу осунувшийся врач.

— Вот и славно. А теперь пусть нам принесут стулья и не мешают, — приказал Рябинин.

Главный врач вылетел из палаты, и Белозёров услышал, как он приказал медсёстрам принести стулья и дежурить у палаты, чтобы в случае необходимости сразу его позвать.

— Зачем вы так с ним, Аристарх Платонович? — тихо спросил Василий.

— Знаю я этого жука. Здесь был хороший главный врач, а этот сделал всё, чтобы его выгнали, и занял его место, — с отвращением в голосе произнёс Рябинин.

В палату вошёл Горюнов:

— Аристарх Платонович, территорию обыскивают, больницу тоже.

— Аркадий Ильич, сделай милость, поставь одного городового под окном, — Рябинин показал на окно, на котором не было решёток.

— Сделаем. Что ещё? — спросил Горюнов.

— Как только Воронов появится с Давидом Моисеевичем, пусть их сразу сюда проводят, — попросил судебный следователь. — И будь неподалёку. Вдруг она в сознание придёт и скажет, кто на неё напал.

— Хорошо, Аристарх Платонович. Сейчас городовым указания выдам и приду, — Горюнов развернулся и вышел из палаты.

— Аристарх Платонович, давайте я пока снимок сделаю, — предложил Лужин, до этого стоявший в сторонке и слушавший все эти перепалки с главным врачом.

— Давайте, только наготу ей прикройте. Нужны только раны, — согласился Рябинин.

Пока Лужин устанавливал штатив и настраивал камеру, Белозёров опустил простыню, которой была накрыта женщина, чуть ниже пояса, потом взял с соседней пустой кровати ещё одну простыню и прикрыл женщине грудь.

Пётр Степанович сделал пару снимков с разных ракурсов, чтобы были видны все раны. Некоторые из них продолжали сочиться кровью, хоть на них и были наложены повязки.

— Эти раны, — Василий чуть надавил возле одной, и кровь пошла сильнее, — их надо зашивать. Иначе кровь не остановится.

— Сейчас скажу, чтобы позвали хирурга, — Рябинин встал.

Дверь палаты открылась, и вошли Воронов, Горюнов и Давид Моисеевич с большим саквояжем.

— Давид Моисеевич, вы вовремя, — произнёс судебный следователь.

Врач молча кивнул и сразу направился к женщине. Глянув на раны, он повернулся к Рябинину:

— Аристарх Платонович, выведите всех из палаты, кроме Василия, он будет мне помогать. И позовите медсестру, лучше двух.

— Сейчас, Давид Моисеевич, — Рябинин и Воронов помогли Лужину забрать аппаратуру и вышли из палаты вместе с Горюновым. Через минуту вошли две медсестры.

Врач посмотрел на них, потом сказал:

— Нужны капельницы с раствором, бинты, спирт и стерильные ванночки под инструменты. И давайте быстрее.

Медсёстры выбежали из палаты. Через несколько минут они всё принесли.

— Пока свободны. Я позову, — Давид Моисеевич выпроводил их из палаты и посмотрел на Белозёрова: — Осмотр сделал?

— Да. Пульс слабый, дыхание тоже, множественные раны. Есть более глубокие, которые надо зашивать. Но повязки не снимал: надеюсь, проникающих там нет. Потеряла слишком много крови, — отчитался Белозёров.

— Хорошо, так намного проще, — врач уже поставил одну капельницу. — Снимай повязки, начинай с самой большой раны.

Василий занялся повязкой, из-под которой сочилась кровь. Давид Моисеевич снова проверил пульс, послушал дыхание, осмотрел самую большую рану, с которой Белозёров убрал повязку.

— Жить будет, — констатировал врач и открыл свой саквояж, начав доставать необходимые инструменты и нитки.

Через полчаса кропотливой работы все глубокие раны были зашиты. Василий обратил внимание, что Давид Моисеевич зашивал так, как он его учил. Швы получились ровными, края сходились плотно, и кровь практически сразу переставала течь. Сверху врач наложил повязки.

— Всё, — Давид Моисеевич вытер рукавом выступивший на лбу пот. — Позови Аристарха.

Не успел Василий встать, как на улице раздались крики и выстрелы.

Он метнулся к окну, городовые бежали вдоль здания, преследуя невысокого мужчину, пытавшегося отстреливаться из револьвера.

В палату ворвались Рябинин и Воронов.

— Всё в порядке? — спросил Аристарх Платонович, подходя к врачу и лежащей на кровати женщине.

— До этой минуты всё было хорошо, Аристарх Платонович. Но вы не сообщали мне, что я буду работать в таких условиях, — строгим голосом произнёс врач.

— Давид Моисеевич, ваши труды будут оплачены из казны окружного суда. Главное, чтобы она выжила. Очень ценный свидетель, — сказал Рябинин, подходя к Белозёрову. — Что видно?

— Похоже, взяли, но не вижу отсюда, подстрелили его или нет, — ответил Василий, смотря в окно.

— Я пошёл на улицу. Ты пока будь здесь, — распорядился Рябинин и вместе с Вороновым вышел из палаты.

Давид Моисеевич проверял пульс и дыхание у Зинаиды Тихомировой, когда вернулся Рябинин.

— Как она? — спросил судебный следователь.

— Нормально, но сейчас за ней нужен уход. Скорее всего, завтра уже начнёт приходить в себя, — ответил врач.

— Может, её к вам? — с надеждой в голосе произнёс Аристарх Платонович.

— Можно и к нам, — пожал плечами Давид Моисеевич. — Но, Аристарх Платонович, лежать у нас — дорогое удовольствие. Будет ли окружной суд оплачивать такие расходы? Тем более что её жизни ничего не угрожает.

Рябинин задумался, потом посмотрел на Тихомирову:

— Вы правы, Давид Моисеевич. Судья и прокурор этого не одобрят. Спасибо, что быстро приехали.

— У меня не было выбора, Аристарх Платонович. Иван Макарович был очень настойчив, — улыбнулся врач.

— Ещё раз спасибо. Есть какие-то особые рекомендации по лечению? — уточнил Рябинин.

— Нет. Только уход и смена повязок. Снятие ниток — примерно через десять дней, когда швы хорошо затянутся, — ответил Давид Моисеевич. — Я могу всё сказать главному врачу, если вы хотите.

— Сделайте милость, Давид Моисеевич. И я больше не смею вас задерживать, — попросил судебный следователь.

Врач сложил свои инструменты в саквояж и вышел.

— Взяли стрелявшего? — спросил Белозёров, когда дверь в палату закрылась за Давидом Моисеевичем.

— Взяли, — Рябинин посмотрел на Белозёрова. — Горюнов повёз его в полицейский участок.

Судебный следователь присел на стул и прикрыл глаза.

— Сумасшедший день, — тихо произнёс он. — А дел всё больше.

В палату вошёл Воронов:

— Аристарх Платонович, я Лужина отправляю в лабораторию, да и сам с ним поеду. У вас какие планы?

Рябинин открыл глаза и повернулся к начальнику сыскного отделения:

— Сейчас с Василием поедем в полицейский участок. Допросим задержанного.

Судебный следователь достал из кармашка сюртука часы и, щёлкнув крышкой, посмотрел время:

— Наверное, ничего больше не успеем. А завтра дел невпроворот. Надо изъять всё из банка и допросить Тихомирову, — Рябинин кивнул на женщину. — Давид Моисеевич сказал, что завтра она придёт в сознание. Ещё должны швейцара Баранко доставить, ещё…

Аристарх Платонович замолчал и снова закрыл глаза:

— Ничего не успеваю.

— Давай я Тихомирову сам допрошу. Швейцара допросит Румянцев — это и так на нём. А вы с Василием займётесь банком и нашим стрелком. Я так думаю, он и есть наш убийца ювелира, — предложил Воронов.

— Спасибо, Иван Макарович, — Рябинин встал. — Горюнов, надеюсь, городовых оставил для охраны?

— Да. Двое возле двери и один под окном ходит, — ответил Воронов.

Они вышли из палаты. Рябинин посмотрел на городовых:

— Кроме врача и медсестёр никого не пускайте. Завтра Иван Макарович приедет допрос делать. Сменщикам передайте.

— Так точно, ваше высокоблагородие, — городовые вытянулись по стойке смирно.

Белозёров, Воронов и Рябинин вышли из здания больницы. Лужин уже сидел в пролётке вместе с оборудованием, дожидаясь начальника сыскного отделения.

Проводив взглядом пролётку с Вороновым и Лужиным, Рябинин посмотрел на Василия:

— Поехали. Надеюсь, наш задержанный не будет отпираться и во всём сознается. Взяли его с оружием, револьвер системы Нагана. По описанию похож на нашего подозреваемого.

Белозёров махнул рукой стоявшему рядом извозчику. Через пару минут они уже ехали в полицейский участок.

— Аристарх Платонович, нам бы ещё к секретарю ректора наведаться, — напомнил Белозёров.

— Помню, Василий Игнатьевич, всё помню. Если сейчас наш задержанный сознается, будет проще. Утром заберём всё из сейфа банка, а дальше — бумажная работа. Дело я быстро подготовлю, чтобы прокурору передать, — Рябинин замолчал, потом усмехнулся и добавил: — Если, конечно, у нас новое дело не появится.

— Так пусть других привлекают, — сказал Василий.

— Да некого привлекать, Василий. Штат у нас маленький, и все делами загружены. Год плохой, много убийств стало, — вздохнул Рябинин. — Я же в основном только ими и занимаюсь.

— Ясно, Аристарх Платонович, — произнёс Белозёров.

Пролётка, размеренно покачиваясь на поскрипывающих рессорах, подъехала к полицейскому участку. Оплатив извозчику проезд, Рябинин и Белозёров вошли в здание.

— Аркадий Ильич у себя? — спросил судебный следователь у дежурного.

— Так точно, ваше высокоблагородие. Вас ждёт. Сказал ему сразу сообщить, как вы прибудете. А вас в допросную проводить. Задержанный возле больницы там сидит под охраной, — вскочив со стула, отчитался дежурный.

— Хорошо, иди до начальника. Дорогу до допросной я сам знаю, — приказал Рябинин и вместе с Василием пошёл по коридору в сторону комнаты для допросов.

Возле допросной стояли двое городовых; увидев судебного следователя и Белозёрова, они вытянулись по стойке смирно.

Рябинин толкнул дверь и зашёл в комнату, следом вошёл Василий. Задержанный сидел на стуле, прикованный наручниками к столу. Белозёров внимательно на него посмотрел: рост примерно метр шестьдесят пять, крепкое телосложение. Хорошая одежда — многим такая не по карману. Василию уж точно. «Получу жалованье за полицейского надзирателя — надо купить себе нормальную одежду», — промелькнуло в голове.

Аристарх Платонович сел за стол, открыл папку и достал пустой бланк протокола допроса. Рядом положил перьевую ручку и карманную чернильницу-непроливайку.

Внимательно посмотрел на задержанного и произнёс:

— Зря вы пытались убить Зинаиду Тихомирову.

Задержанный поднял взгляд, полный ненависти, и посмотрел в глаза Рябинину:

— Лучше бы я эту тварь сразу убил. Но рука дрогнула. Думал, сама сдохнет.

Аристарх Платонович покачал головой:

— Что же она вам такого плохого сделала?

— Кинуть меня решила, вместе со своим сожителем и старым пердуном, — усмехнулся задержанный.

— Вот как? — притворно удивился Рябинин. — Там же краденого на полмиллиона, да ещё и страховка.

— Жадными оказались. Думали, я им это с рук спущу, — произнёс задержанный. — Посчитали, что я простачок. За нос меня водили.

Задержанный хотел откинуться на спинку стула, но не смог, наручники не дали такой возможности.

Судебный следователь посмотрел на него и вздохнул:

— Ладно, давайте начнём. Фамилия, имя, отчество…

Глава 6

Василий ехал в пролётке в сторону дома после долгого допроса. Как и предполагал Белозёров, Фёдор Андреевич Трегубов оказался служащим страхового общества «Россия», который подозревал, что ювелир Хаим Борухович Фридман провернул аферу с кражей и получением страховки. Прямых доказательств у него не было, но он владел всей информацией по этому делу. Подумав пару месяцев и составив план, Трегубов начал действовать. Через сеть информаторов страхового общества он вышел на сокамерника Лебези, сидевшего в Таганской тюрьме. Василий мысленно улыбнулся: «Горюнов угадал: Лебезя проболтался о деле своему сокамернику, а тот продал информацию Трегубову за хорошие деньги».

Узнав все обстоятельства дела, Трегубов сначала решил сдать ювелира своему начальству, но три процента вознаграждения ему показалось мало. Тогда он пошёл к Фридману и, выложив ему весь расклад, потребовал четвёртую часть денег от всей аферы. Ювелир под давлением обстоятельств согласился. Но объяснил, что надо ждать выхода из тюрьмы Лебези, так как ключ от сейфа был у него, а карточка банка — у его сожительницы Тихомировой. У самого же ювелира денег уже не было: почти двести тысяч он потратил на погашение долгов, остальное пустил в дело.

Трегубов согласился, и потянулись долгие месяцы ожиданий. Когда Лебезя вышел, Фёдор вместе с Тихомировой встречали его у ворот тюрьмы. Между ними возникла перепалка, и Лебезя просто послал его куда подальше, сказав, что он ничего ему не даст. Но Трегубов не собирался отступать. Он купил старый револьвер через своих информаторов и выследил Лебезю, который достал ключ из тайника и направлялся к своей сожительнице.

Когда Аким Лебезя неожиданно помер, спасаясь от него бегством, а при обыске тела Трегубов не обнаружил ключ от сейфа, он решил забрать свою долю с ювелира. Но Хаим отказался платить, сославшись на отсутствие денег. Нервы Трегубова не выдержали, и он просто пристрелил ювелира.

Теперь у него осталась единственная возможность добраться до драгоценностей в сейфе — заставить Тихомирову отдать ему карточку банка и написать доверенность на получение доступа к сейфу. Трегубов уже выяснил в банке, что при утере ключа, имея на руках карточку банка, его можно восстановить. Да, это было долго, но такая возможность была.

Отправившись к Тихомировой, Фёдор попытался с ней договориться по-хорошему. Но, как сказал Трегубов на допросе: «Эта тварь слишком сильно любила деньги». Карточку банка он у неё забрал, но доверенность писать она отказалась. Посчитав, что она помрёт от потери крови, Фёдор покинул квартиру, уже составляя варианты, каким образом подделать доверенность. Но тут появились городовые. Он проследил, что они увезли её в Шереметевскую больницу. Там он выяснил, что она жива, и решил добить, чтобы Тихомирова его не выдала. Но не успел… Теперь Трегубова, вместо богатой жизни, ждала каторга.

— Приехали, ваше благородие, — голос извозчика вырвал Василия из задумчивого состояния. Он рассчитался и пошёл в трактир поужинать.

На следующий день рано утром Белозёров сразу отправился к Арону Абрамовичу. Рябинин поручил ему договориться с ювелиром, чтобы он присутствовал при изъятии драгоценностей из банка.

Василий постучал в дверь ювелирной лавки, она была ещё закрыта.

— Кто там в такую рань? — услышал Белозёров голос Мони через пару минут.

— Моня, это Василий. Я по поручению Аристарха Платоновича, — ответил Белозёров.

Пару раз щёлкнул замок, потом скрежетнула щеколда.

— Проходите, Василий, — произнёс Моня, открывая дверь и сдерживая зевок.

— Арон Абрамович уже встал? — уточнил Белозёров у Мони.

— Я уже встал, Василий, и пью чай. Проходите, — из комнаты послышался громкий голос ювелира.

Моня закрыл дверь на щеколду и вместе с Василием пошёл в комнату за витриной.

— Доброе утро, Арон Абрамович, — поздоровался Белозёров и присел на стул, который пододвинул Моня. — Аристарх…

— Василий, выпейте чаю, — перебил его ювелир. — Ещё слишком рано, чтобы говорить о делах. Пять минут не сыграют решающей роли.

Моня уже налил в чашку чай и пододвинул к Белозёрову.

Спустя несколько минут Арон Абрамович поставил чашку на стол и посмотрел на Белозёрова:

— Зачем я понадобился Аристарху Платоновичу в такую рань?

— Мы нашли украденные драгоценности ювелира Фридмана. Надо проверить их по описи и сделать оценку, чтобы убедиться, что это не подделки, а действительно настоящие ювелирные украшения, — ответил Белозёров.

Арон Абрамович удивлённо приподнял брови:

— Вы нашли всё, что было украдено?

— Не знаю, всё или нет, для этого мы вас и приглашаем. Но там две большие сумки, полные ювелирных украшений и слитков золота, — сообщил Василий. — Аристарх Платонович также просил передать, что ваши услуги будут в полном объёме оплачены из казны окружного суда.

— Моня, срочно собираемся, — ювелир посмотрел на сына. — Мне будет требоваться твоя помощь.

Моня вскочил со стула и кинулся в квартиру.

— Василий, выпейте ещё чаю. Нам потребуется десять минут, чтобы собраться и сложить все необходимые инструменты для оценки, — сказал Арон Абрамович, вставая со стула и направляясь к своему рабочему столу в ювелирной лавке.

Через час Рябинин, Белозёров и ювелир с сыном уже входили в банк «Братьев Голованових». Он только открылся, и в вестибюле было пусто.

Управляющий банком Гаврила Степанович появился сразу, как только они вошли внутрь.

— Доброе утро, Аристарх Платонович, — управляющий слегка поклонился. — Надеюсь, вы пришли за драгоценностями?

— Доброе утро, Гаврила Степанович. Вы правы. Сейчас мы проведём изъятие с составлением протокола. Мне нужны понятые. И ещё… — Рябинин чуть понизил голос. — Потом будет необходимо доставить всё в полицейский участок. Я могу вызвать городовых, но не хочу создавать лишнего шума возле вашего банка.

— Я всё понимаю, Аристарх Платонович. Мы выделим вам специальную карету и охрану. Она быстро доставит вас до места вместе с драгоценностями, — также тихо ответил управляющий.

— Я рад, что мы нашли общий язык, Гаврила Степанович, — Рябинин улыбнулся. — Тогда берите двух ваших служащих, и пойдёмте в хранилище. И ещё, преступники задержаны. Так что вас никто не побеспокоит, и вы можете сдать сейф другому клиенту.

— Это радостная новость, Аристарх Платонович. Ожидайте пару минут, я позову служащих, — управляющий тоже расплылся в улыбке.

Арон Абрамович сидел за круглым столом возле Рябинина, который писал протокол.

— Какая красота, — тихо шептал ювелир, разглядывая очередное украшение. — Моня, брошь с рубинами.

Сын ювелира пробегал глазами список украденных ювелирных изделий из дела Лебези и ставил отметку.

Это продолжалось больше двух часов. Василий периодически ходил по хранилищу, чтобы хоть как-то отвлечься. Понятые уже изнывали от скуки, так же как и управляющий. Но возмущаться не смели.

Наконец Арон Абрамович вернул в сумку последнее украшение и откинулся на спинку стула.

— Моня? — повернулся он к своему сыну.

— Всё строго по списку, — Моня протянул список Рябинину.

— Тогда собирай инструменты, я уже устал сидеть в этой душной комнате, — сказал ювелир и посмотрел на судебного следователя: — Аристарх Платонович, надеюсь, мы можем идти?

— Да, Арон Абрамович. Пару минут. Подпишите протокол, и мы все покинем это место, — ответил Рябинин.

Судебный следователь быстро зачитал протокол изъятия, дал расписаться понятым, потом Арону Абрамовичу и посмотрел на Василия:

— Бери сумки.

Белозёров молча взял тяжёлые сумки и последовал за Рябининым.

Они вышли в вестибюль банка и остановились.

— Аристарх Платонович, надо подождать несколько минут. Карету сейчас подадут, — произнёс Гаврила Степанович. — Я выйду вас проводить.

Рябинин кивнул управляющему и посмотрел на ювелира:

— Арон Абрамович, спасибо. Вы, как всегда, меня сегодня выручили.

— Ну что вы, Аристарх Платонович. Я всегда рад вам помочь, особенно когда окружной суд платит за это хорошие деньги, — ювелир расплылся в улыбке. — Могу я задать вопрос?

— Да, — коротко ответил судебный следователь.

— Хаим провернул аферу? — тихо спросил ювелир.

— Вы же знаете ответ на вопрос, Арон Абрамович, — Рябинин посмотрел ему в глаза. — Стоит ли озвучивать его вслух?

— Вы, как всегда, правы, Аристарх Платонович. Порой лучше промолчать, — сказал ювелир. — Моня, нам пора.

Арон Абрамович направился к выходу из банка, следом шёл Моня, неся большой саквояж с инструментами.

Рябинин посмотрел ему вслед и усмехнулся:

— А ведь он знал, что Фридман провернул аферу.

— Я тоже так думаю. Но теперь это не имеет никакого значения, — произнёс Белозёров.

— Господа, карета готова. Пойдёмте. Я выведу вас через запасной ход. Мы используем его, чтобы не привлекать внимания, — к ним подошёл управляющий банком.

Через тридцать минут чёрная карета с двумя охранниками остановилась возле полицейского участка.

Первым вышел Белозёров и забрал тяжёлые сумки, следом спустился Рябинин. Они вошли в здание участка.

— Вызови Горюнова, — приказал Рябинин дежурному городовому.

Сдача драгоценностей и золота на хранение в кассу полицейского участка заняла ещё почти час. Наконец они поднялись в кабинет Аркадия Ильича.

— Ну что, Аристарх Платонович, можно поздравить сразу с закрытием нескольких дел? — спросил Горюнов.

— Можно, Аркадий Ильич, можно. Но другие дела висят, пока этими занимаемся по горячим следам, — вздохнул Рябинин. — Швейцара Баранко из деревни привезли?

— Привезли. С ним Румянцев работает. Полчаса назад начали. Только странно там всё, — ответил Горюнов.

— А что странного? — заинтересованно спросил Белозёров.

— Городовые забрали его из дома. Швейцар наш сильно избит. Даже жена с ним поехала, уговорила городовых забрать её вместе с мужем, — ответил Аркадий Ильич.

Рябинин и Белозёров переглянулись.

В кабинет пару раз стукнули, и дверь сразу открылась.

— Доброго дня, господа, — поздоровался начальник сыскного отделения. И, пройдя к столу, сел на стул.

— И тебе доброго дня, Иван Макарович, — поздоровался начальник полицейского участка. Рябинин и Белозёров кивнули в знак приветствия.

— Сразу к делу, — начал Воронов. — Аристарх Платонович, копию протокола допроса Трегубова я утром получил и поехал в больницу. Тихомирова пришла в себя. Показания Трегубова подтвердила. Но уверяет, что ни в чём не участвовала. А только оформила на себя в банке личный сейф. Про дела сожителя не знала, про аферу тоже. Заводить дело на неё будешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.